

Враг будет разбит,
победа будет за нами!



Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный), podpiska@eot.su

Оглавление

Колонка главного редактора	5
Против течения	6
Политическая война	18
От Поклонной до Колонного	19

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
Экономическая война	71
Ещё раз о сути экономических войн	72
Информационно- психологическая война	91
Сокрушение Красной Церкви	92
Классическая война	114
На пути к советской военной док- трине	115
Наша война	134
Разведка съездом, или Это, конечно, атас!	135

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	3
Социальная война	166
Семья: от Сталина до перестройки	167
Война с историей	190
Клуб господ	191
Мироустроительная война	213
Сирийский колокол — 3	214
Концептуальная война	234
Концептуализация Не-Бытия. Кон- цепты постмодернизма	235

ОГЛАВЛЕНИЕ	4
Война идей	255
В чём причина? — 2	256
Диффузные сепаратистские войны	276
Казачество. Искушение независимостью	277
Культурная война	297
Перверсивный идеал и деконструкция нормы. Война с идеальным в культуре и СМИ	298

Колонка главного редактора

Против течения

Бытием или субъектностью обладает только тот, кто никогда не перестаёт грести — вплоть до своего смертного часа



В.И.Суриков. Гребец. 1912. Фото с сайта
gallerix.ru

В связи с тем, что произошло 9 февраля 2013 года в Колонном зале Дома Союзов, я считаю необходимым вернуться к уже обсуждённой ранее теме. И напомнить читате-

лю уже приводившиеся мною слова одного опытного туриста. Который так напутствовал группу новичков, вознамерившуюся осуществить сплав по очень бурной и порожистой реке: «Если всё будет происходить вот так и так, — говорил он, — гребите. А если всё будет происходить не так, а этак... И этак... А ещё и вот этак, то... тоже гребите».

Бытием или субъектностью обладает только тот, кто никогда не перестаёт грести — вплоть до своего смертного часа. Когда-то вашу лодку может подхватить мощный поток, несущий вас в нужном направлении. Но и тогда нужно грести. Чаше же — грести надо против течения. О чём прекрасно сказано в стихотворении А. К. Толстого.

Други, вы слышите ль крик оглушительный:

«Сдайтесь, певцы и художники! Кстати

ли

Вымыслы ваши в наш век положитель-
ный?

Много ли вас остаётся, мечтатели?

Сдайтесь натиску нового времени,
Мир отрезвился, прошли увлечения —
Где ж устоять вам, отжившему племе-
ни,

Против течения?»

Друзи, не верьте! Всё та же единая
Сила нас манит к себе неизвестная,
Та же пленяет нас песнь соловьиная,
Те же нас радуют звёзды небесные!
Правда всё та же! Средь мрака ненаст-
ного

Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите, во имя прекрасного,

Против течения!

Очень многим покажется дикой и сама рекомендация плыть против течения, и моё утверждение о том, что именно это «против течения» — и есть подлинность жизни, субъектность, «вкус счастья на губах» и так далее. Но я думаю, что те, кто сидели 9 февраля 2013 года в Колонном зале Дома Союзов, понимают, о чём я говорю. То есть я, конечно, надеюсь, что не только они это понимают. Но они-то уж точно понимают. Потому что они гребли против течения два года. И более года гребли против мощного, яростного течения. Ведь и впрямь течение, против которого мы плыли после Поклонной горы, было и мощным, и яростным.

Это теперь КПРФ открыто признала ошибкой своё сотрудничество с Удальцовым. Да и то... Развёрнуто о том, что неправильно вели выборную кампанию, совершили круп-

ную ошибку, прислушиваясь к Удальцову и взаимодействуя с ним, Зюганов пока что сказал только келейно — своему ближайшему окружению. Публично об этом сказал Никитин. Но что называется через губу, и не давая разъяснений: что за ошибка была совершена, почему была совершена и так далее.

А что творилось весь этот год? Как бесновались по нашему поводу КПРФники и их, прошу прощения, блогерское охвостье? А сбор подписей против ювенальной юстиции? Кто только не говорил, что это «артель напрасный труд», что занимаемся непонятно чем!

А ведь были и ещё более мудрые оппозиционные «дятлы» (КПРФные, в том числе), утверждавшие, что оппозиция всегда должна быть против власти, что бы она ни делала. Мол, даже если власть начнёт делать то, что

рекомендовала делать оппозиция, всё равно надо быть против неё. И где теперь всё это?

КПРФ поддержала «закон Димы Яковлева», расторгла отношения с Удальцовым, назвала свой роман с Удальцовым политической ошибкой. Сказавши А, надо говорить Б. Если роман с Удальцовым был политической ошибкой КПРФ, то всё, что она делала на выборах, тоже было огромной ошибкой.

Подчёркиваю, именно огромной ошибкой. То есть не ошибочкой, а ошибищей. Впрочем, дело никоим образом не сводится к КПРФ и другим слагаемым того мутного и бурного течения, против которого мы плыли. Дело в том, куда мы приплыли. И опять же — всё никак не сводится к тому, что Президент России и глава президентской администрации посетили наше мероприятие. Намного важнее, к кому именно они пришли.

Люди, превращающие политику в светскую хронику, лепечут глупости по поводу того, что пришли они к «зловещему Кургиняну». На самом деле они пришли к полутора тысячам людей, плывшим очень долго против течения. Вспомните все мероприятия, на которых мы лицезрели этих высоких руководителей. Вспомните, какие лица показывали в зале в подавляющем большинстве случаев. Это были чиновно-окаменелые лица или бессмысленно-радостные лица какой-нибудь из политических массовок. А теперь посмотрите на прекрасные съёмки зала, сделанные высокопрофессиональными операторами. Часто ли высокие должностные лица, приехавшие на наш съезд, общались с аудиторией, чьи реакции очевидным образом не зарегулированы? С аудиторией, которая не запрограммирована на аплодисменты или улюлюканье?

Думается, ответ очевиден.

Очевидно и другое. Что высокие должностные лица пришли в этот зал потому, что два года упорного движения против течения превратили идеалистическую романтическую молодёжь в политическую силу. Или, скажем скромнее, пока ещё — в «протосилу». Но уже и такое превращение за столь короткий срок является настоящим политическим чудом.

Однако не надо говорить о «чудесах вообще». Лично я уверен, что в жизни есть только одно реальное чудо — чудо подвижнического, неустанного, сверхнапряжённого, блестяще организованного труда. Труда осмысленного, коллективного. Труда жертвенного и бескорыстного.

Только такой труд меняет тех, кто трудится. И только изменившись, они начинают ме-

нять жизнь. Нам ещё расти и расти в этом направлении. И всё же — давая порою сбои, совершая ошибки, сгибаясь под непосильными нагрузками — «сутевцы» растут. Растут потому, что трудятся. И трудятся потому, что растут.

Может быть, это и есть главное? Не то, к кому кто пожаловал, а то, что удастся вернуть родителям детей, дать отпор осквернителям всего, что нам дорого. Может быть, к первым островкам такой возможности мы и приплыли после тяжёлого изнурительного труда. И не надо обольщаться — главный труд впереди.

Поэтому я заканчиваю своё короткое поздравление строками всё из того же стихотворения:

*В оные ж дни, после казни Спасителя,
В дни, как апостолы шли вдохновенные,*

*Шли проповедовать слово учителя,
Книжники так говорили надменные:
«Распят мятежник! Нет проку в осме-
янном,
Всем ненавистном, безумном учении!
Им ли убогим идти галилеянам
Против течения!»*

*Други, гребите! Напрасно хулители
Мнят оскорбить нас своею гордынею —
На берег вскоре мы, волн победители,
Выйдем торжественно с нашей святы-
нею!
Верх над конечным возьмёт бесконечное
Верю в наше святое значение,
Мы же возбудим течение встречное
Против течения!*

Есть люди, которые плывут по течению от рождения до смерти. Эти люди уверены, что

все остальные плывут тоже именно так. И что ничего другого в жизни не существует. Таких людей мне искренне жаль.

Поздравляю нас с тем, что мы плывём против течения, дабы возбудить течение встречное. И желаю всем нам, чтобы мы это течение и впрямь возбудили.

Сергей Кургинян

Политическая война

От Поклонной до Колонного

Роль нашего движения в той политической войне, которая определяет облик современной России

Истошные визги после Поклонной горы и после Колонного зала порождены нашими активными воздействиями. И потому являются бесценными не только с политической, но и с аналитической точки зрения



Василий Верещагин (1842–1904). Перед атакой. Под Плевной, 1877–1878. С сайта slavs.org.ua



Василий Верещагин (1842–1904). Пусть войдут! (фрагмент) 1871 год. С сайта runivers.ru

I.

Конечно, можно, объясняя читателю, что такое политическая война, сослаться на различные исторические прецеденты. И в какой-то мере это даже необходимо. Но если в твоей стране разворачивается политическая война,

а ты анализируешь, как именно её вели... ну, я не знаю, какие-нибудь древние финикийцы... то чем ты именно занимаешься? Вести-мо, чем — сооружаешь башню из слоновой кости. Прекрасно понимая при этом, что ситуация в стране крайне неблагоприятная, и башню эту обрушат вместе со страной. Причём с особой беспощадностью, дабы неповадно было представителям местного населения (они же тутошние) заниматься тем, чем подобает заниматься только местным представителям захватчиков (они же тамошние), которые это население завоевали.

Но дело даже не в том, что башня из слоновой кости, занимающаяся политическими, концептуальными и прочими войнами, в нынешней России будет обрушена прежде всего и с особой жестокостью. Дело в том, что Россия будет обрушена. А политическими, кон-

цептуальными и прочими войнами надлежит заниматься не из удовольствия. По крайней мере, я от этих занятий никакого удовольствия не испытываю. Да и мои ближайшие соратники тоже.

Занимаемся мы всеми этими войнами, потому что они ведутся против нашей страны. А в каком-то смысле — и против всего человечества. И мы считаем своим долгом дать этому отпор. Ведь в силу определённых причин мы яснее многих понимаем характер ведущихся войн, их внутреннюю специфику, их точки уязвимости. А значит, мы исследуем войны против нас для того, чтобы организовать войны против них, то есть против тех, кто нам объявил войну на уничтожение. Организуя такие войны, мы собираем воинов под свои знамёна. А это совсем не то же самое, что собирать исследователей для постижения

загадок исследуемого. Собирая воюющих под свои знамёна, мы должны честно сказать следующее.

Первое. Враг очень силён и коварен, а значит, шансов на победу у нас немного.

Второе. Враг не только силён и коварен. Он также труслив, подл, невероятно глуп, лицемерен и так далее. А значит, шансы на победу у нас всё же есть.

Третье. Этих шансов тем больше, чем очевиднее станут для общества перечисленные выше свойства нашего врага. А значит, мы должны делать эти свойства всё более очевидными. Это называется «срывание всех и всяческих масок».

Четвёртое. Победа врага обернётся только полным уничтожением всего, что нам дорого. А значит, как бы мало у нас ни было шансов на победу, мы все их должны

использовать. И не просто использовать, а нарастить, мобилизуя все имеющиеся у нас возможности, добираясь до тех наших возможностей, которые называют скрытыми, резервными и так далее.

Пятое. И простая мобилизация, и мобилизация, связанная с раскрытием своих неочевидных способностей, основаны на любви. Научиться любить то, что враг хочет уничтожить, любить по-настоящему — вот в чём важнейшая наша цель. Это право на любовь — настоящую, беспредельную, окончательную — враг хочет у нас отнять прежде всего. Для этого он осквернял наше прошлое, для этого он сеял и продолжает сеять разврат, имморализм. Для этого он стирает грань между честью и бесчестьем, правдой и ложью.

Всё, что враг стирает и разрушает, мы

должны восстанавливать. И в себе, и в окружающих. В этом смысле и впрямь — «спаси себя и вокруг тебя спасутся тысячи».

Шестое. Для того чтобы начать так спасаться, надо понять, что на тебя обрушилось некое излучение, лишаящее тебя необходимых фундаментальных способностей. И в чём-то очень похожее на излучение радиационное. Для этого мы используем фундаментальный образ (и даже символ) «Зоны Ч» — со всеми следующими из этого выводами.

Седьмое. Для того чтобы шансов на победу было больше, нужно наращивать и крепить свои ряды. А также учиться, учиться и учиться. Чему учиться? Искусству войны. Против нас ведётся очень сложная война, это высокое искусство. И даже высочайшее. Враг не верит, что его освоит широкий пласт народной интеллигенции. Враг не верит, что эта

народная интеллигенция сумеет передать то, что она освоила, народу. Мы должны посрамить врага.

Восьмое. Учиться вести войну и вести войну — вот наша задача. Если мы будем только учиться — это будет башня из слоновой кости (смотри выше). Если мы не будем учиться — мы потерпим сокрушительное поражение. А значит, мы просто обязаны учиться на ходу. То есть и учиться, и вести войну. Только так и никак иначе.

Девятое. Учиться на ходу надо на том живом опыте, который дарит тебе современность. Причём не абы какая современность, а та, в которую ты погружён. Твоё взаимодействие с такой современностью носит несопоставимо более полный и глубокий характер, нежели твоё знакомство с тем, что поэт называл «дела давно минувших дней, преданья

старины глубокой». Ты должен любить и изучать преданья старины глубокой. Ибо только они поведают тебе о подлинном смысле твоей современности. Но ты не должен отстраняться от современности. Ты должен понимать, что она дарит тебе неоценимый опыт. Такой, который ничто, кроме неё, тебе не подарит.

Десятое. Чем ближе ты к той современности, которая дарит тебе такой опыт, тем более серьёзное воздействие она на тебя оказывает.

Одиннадцатое. Газета «Суть времени» является средством донесения до всего народа того, что против него ведётся особая война на уничтожение. И средством построения партии нового типа (она же — регулярная организация «Суть времени»). А значит, наша газета в существенной степени рассчитана на членов движения «Суть времени». Под-

чёркиваю — в существенной и не более того. Мы адресуем газету всем. Но мы в особой степени рассчитываем на то, что она окажет на наших «сутевцев» глубокое воздействие. В чём-то сходное с тем воздействием, которое оказала газета «Искра» на кружки социал-демократов, сложившиеся в России. Любое движение должно пережить этап кружков. Оно без этого не является органичным, а значит, и полноценным. Но пережив этот этап, оно должно идти дальше. К августу 2013 года кружковский этап движения «Суть времени» будет завершён. Начнётся новый этап.

Итак, наша газета в существенной степени является газетой для «сутевцев». А какова политическая современность, в которую «сутевцы» погружены в наибольшей степени? Это, безусловно, та современность, которая породила различного рода беснования по

поводу митинга на Поклонной горе и съезда, организованного «сутевцами» в Колонном зале Дома Союзов 9 февраля 2013 года, через год после Поклонной горы.

От Поклонной до Колонного — вот те ве-
хи современности, которые дают «сутевцам»
особое познание того, что такое политическая
война. Потому что эта война ведётся имен-
но против «сутевцев» и одновременно против
России.

Изучая политическую войну для того,
чтобы её вести, введя понятие о школе на хо-
ду, мы не имеем право избегать изучения са-
мих себя. И всего того, что с нами связано.

Двенадцатое. Конечно, изучать надо
только то, что исторически значимо. Нель-
зя превращать в предмет изучения драгоцен-
ные для тебя мелочи внутренней политиче-
ской жизни. Но и Поклонная, и Колонный

зал — это не мелочи нашей внутренней политической жизни. И после Поклонной, и после Колонного зала враг закатил беспрецедентные политические истерики. Никоим образом не соразмерные факту вмешательства в политическую жизнь страны нашей молодой и недооформленной организации. Мы дважды помешали врагу решить его задачу. И поняв, что мы ему помешали, он объявил нам войну на уничтожение. Как же мы можем, изучая политическую войну, не изучать то, как именно враг ведёт эту войну против нас? Это было бы научно недобросовестно. А мы ведь не просто наукой занимаемся, так ведь?

Мы руководствуемся гениальной формулировкой Маркса: *«Философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его»*.

II.

Маркс ведь не имел в виду, что мир можно изменить, не постигнув его внутренних закономерностей. Уж кто-то, а Маркс-то делал ставку именно на это постижение внутренних закономерностей. Но крайне важно понять, что Маркс (тот самый, который говорил о себе, что он не марксист) исповедовал принцип активного и ценностного постижения реальности. Именно эти два фундаментальных принципа вызывали неопишемую ярость его врагов. Понимавших, насколько новой и опасной для них является методология Маркса. И делавших всё возможное для того, чтобы утаить эту методологию, подменив её чем угодно. Или охаиванием Маркса, или его восхвалением (марксизмом то бишь). Использовалось и то, и другое, лишь бы главное не стало «руководством к действию».

Что такое ценностность марксистской науки? Это утверждение о том, что целью науки является не только истина, но и нечто большее. Истина интересовала классическую позитивистскую науку. Сразу же необходимо подчеркнуть, что говоря здесь о позитивизме, мы имеем в виду позитивизм в широком смысле слова.

Для того чтобы охарактеризовать отличия позитивизма в широком смысле этого слова от позитивизма в узком смысле слова (а также неопозитивизма и так далее), я предлагаю читателю термин «гносеологизм». Мол, если я учёный, то меня интересует истина, а там хоть трава не расти. Интегральное постижение мира, осуществлявшееся на основе мифа в древнейшие эпохи, было заменено в античную эпоху дифференциальным постижением. Было введено понятие о гносео-

логии, то есть сфере, занятой только постижением истинного и безразличной ко всему остальному. Об этике, то есть сфере, занятой только постижением справедливого или правового (кстати, по-английски justice — это и есть справедливость) и безразличной ко всему остальному — в том числе и к истинному в его строго научном смысле. И эстетике, то есть сфере, занятой только постижением прекрасного. И опять-таки, безразличной ко всему остальному — и к истинному, и к справедливому.

Гносеология... Этика... Эстетика...

Классическая античность подарила миру эту бесценную дифференциацию, обеспечившую человечеству совсем иное качество, гораздо более высокое, нежели то, которое давал ему миф. И одновременно классическая античность начала накапливать взрывчатку

в подвале здания под названием «человечество». Ибо такая дифференциация сулила в перспективе полное оскудение человечества. Не будем здесь подробно останавливаться на механизме этого оскудения. Укажем только на то, что спасением от стремительного нарастания оскудения была религия вообще и христианство в первую очередь. Ибо только оно дарило какую-то точку схода, создавало механизмы преодоления нарастающей дифференциации. Ведь Христос был и истиной, и красотой, и справедливостью. Фактом такого «и, и, и» он преодолевал непреодолимые во всём остальном границы между гносеологией, этикой и эстетикой.

Как только Модерн освободил мир от Христа как неоспоримой высшей инстанции, на границах между гносеологией, этикой и эстетикой выросли бетонные стены. И мир на-

чал оскудевать стремительно. Нацисты пытались вернуть в мир миф как нечто, способное противостоять этому несомненному оскудению. И если бы в преодолении такого очевидного оскудения («Заката Европы» по Шпенглеру) не было явной необходимости — нацистский вирус не распространился бы так стремительно.

Маркс и коммунисты предложили миру другой способ преодоления оскудения, другую негносеологическую науку. Конечно, термин «гносеологическая наука» кому-то покажется избыточно парадоксальным. Что ж, тогда можно говорить о позитивистской в широчайшем смысле этого слова науке и том способе, с помощью которого Маркс и коммунисты предложили преодолеть этот губительный при любой его широте позитивистский подход.

Разговор о «гносеологической науке» порождён тем, что необходимо хотя бы в ХХІ веке добиться ясности в понимании того, какая другая, подлинная, наука является альтернативой науке гносеологической. Ну скажете вы о широчайшем позитивизме и тех опасностях, которые в нём содержатся. Вас сразу спросят: «А вы-то что предлагаете? И не предлагаете ли вы часом какой-нибудь новодел? Вот у нацистов есть традиция... Она же миф... Не зря Розенберг говорил о мифе ХХ столетия. И не он один говорил об этом, не правда ли? А вам и позитивизм, который вы именуете широчайшим, противен, и миф... Дайте правильное имя тому, что вам дорого, и укажите, в чём тут традиция. А то всё говорите о правильных именах и базарах, на которых их надо постоянно произносить, а в главном для вас вопросе уходите от того, что сами на-

зываете правильным именем».

Сказав о гносеологической науке, для которой важно только истинное, а там хоть трава не расти, мы сразу получаем возможность противопоставить ей другую науку, назвав эту науку сотериологической (сотериология — наука о спасении).

Если не использовать иноземных слов, то можно говорить о науке лишь постигающей и науке постигающей и спасающей. Но это то же самое, что сказать о науке гносеологической и сотериологической.

Сотериологическая наука всегда была и всегда находилась в тени науки гносеологической. Из этой тени ей предстоит выйти в XXI веке. Причём только потому, что наука гносеологическая явным образом превращается в убийцу человечества. Но от чего хотела спасти человечество сотериологическая нау-

ка? На разных этапах истории от разного. Например, в XX веке вёлся очень страстный разговор о фатальности второго закона термодинамики. Мол, если этот закон носит неумолимый характер, то Вселенная должна постепенно остывать. Её немногочисленные горячие участки должны, обмениваясь теплом с бесконечным вселенским холодом, терять тепло. А значит, жизнь должна погибнуть в тисках нарастающего вселенского холода. Потом прекратились разговоры о неумолимости второго закона термодинамики. Мир оказался намного сложнее. Но на определённом этапе они велись невероятно страстно. И вот тогда было сказано представителями сотериологической науки, что если Вселенная будет остывать, и потому будет гибнуть жизнь, то Вселенную надо согреть. И в этом космическая миссия человечества. Надо собрать ги-

гантское количество взрывчатки, всю её взорвать, создав новый огромный раскалённый очаг. И даже если человечество, содеяв это, погибнет — что ж, оно откроет пути для жизни. А значит, и нового человечества.

Мы здесь не будем обсуждать степень безупречности данного утверждения. Мы приводим его как пример, говорящий о существовании сотериологического подхода в рамках науки. И это ведь не единственный пример. Говорилось и о зажигании нового солнца взамен солнца, которое должно погаснуть. И о вещах гораздо более масштабных. Это под конец жизни Стругацкие исписались до полных пошлостей. А в начале они заигрывали с коммунизмом, причём открыто. И в рамках этого заигрывания затрагивалась научная сотериологическая тема, гораздо более масштабная, нежели тема второго закона термодинамики.

Речь шла о расширяющейся и схлопывающейся Вселенной. Мол, если большой взрыв породил Вселенную, то когда-нибудь, через несколько миллиардов лет, расширение Вселенной прекратится, и она начнёт схлопываться. А значит, человечество погибнет. Кстати, если Вселенная всё время будет расширяться, то человечество тоже погибнет. Так что же делать?

В своём раннем произведении «За миллиард лет до конца света» Стругацкие ответили по-коммунистически, по-марксистски. Мол, надо бороться. Надо постигать закономерности и, постигая их — спасать человечество. В этом миссия науки. Герой Стругацких борется за постижение закономерностей, сталкивается с сопротивлением такому постижению, проявляет стойкость в этой борьбе... Стругацкие вызывали восторг со-

ветских мальчишек подобными построениями. А потом сделали своё подлое дело, как это и подобает «тамошним».

Но дело не в «тамошних» и не в подлом деле, а в том, что именно вызывало у советских мальчишек такой восторг. И ясно по прошествии времени, что этот восторг вызывала апелляция к сотериологической науке как антитезе науке гносеологической. И в каком-то смысле сотериологическая наука и есть подлинный коммунизм. Потому что если у науки есть сотериологическая функция, то она может выполнить культуuroобразующую роль. Причём не фашистскую, а диаметрально противоположную. Она тогда преодолевает дифференциацию на гносеологию, этику и эстетику. И не возвращает мир к мифу, как предлагали фашисты, а ведёт его вперёд. К этой самой новой научности — сотериологической.

А также интегральной. Потому что, преодолев главную дифференциацию между гносеологией, этикой и эстетикой, новая наука начнёт преодолевать и все остальные дифференциации, угрожающие человечеству неминуемой гибелью.

Кто-то возмутится: «Что ещё за чушь?» А давайте всмотримся в происходящее. Имморализация науки налицо. Учёные плюют на мораль всё в большей и большей степени, заявляя: «Причём тут мораль? Нас как профессионалов это не интересует». Но разве имморализация не является неизбежной в условиях, когда наука теряет сотериологическое содержание? Конечно, она является неизбежной. Можно рассчитывать на то, что где-то вне науки возникнет источник морали, но нельзя ли полюбопытствовать, где же именно? Абсолютный и всеобъемлющий ав-

торитет религии в прошлом. Позитивистская мораль (мол, я морален потому, что морален — и точка) тоже в прошлом. Она уходит в небытие вместе с Модерном.

Так где же искать мораль? В искусстве? Каком? Постмодернистском? Достоевский говорил, что красота спасёт мир. Но он другую красоту имел в виду, между прочим. Не эстетическую, а «всеединую», так сказать.

Конечно, восстановив сотериологическую функцию, наука войдёт в новые отношения с культурой и в этом смысле может создать и новую красоту. Но для этого она должна взять на себя культуурообразующую функцию. Потому что больше некому. А если вы скажете, что культура должна взять наукообразующую функцию, то... То, во-первых, это, по сути, то же самое. А во-вторых, никаких очевидных проявлений чего-либо по-

добного в мире нет. О сотериологической науке говорить можно. А о культуре, достраивающей себя до преодоления дифференциации между гносеологией, этикой и эстетикой, говорить пока не приходится. Нет такого масштабного, всечеловечески значимого явления. Нет его даже в зародыше. Ибо для того, чтобы быть зародышем чего-то масштабного, всечеловечески значимого — нужно уже быть не точкой, а о-го-го каким сгустком.

Ну так вот, на сегодня самым крупным сгустком чего-то, крайне необходимого человечеству, является сотериологическая наука. И если человечество войдёт в новую фазу, то лишь достроив этот имеющийся сгусток до ядра нового исторического проекта.

Поскольку сотериологическая наука — это и есть коммунизм, то и новый исторический проект будет коммунистическим. Но поскольку

ку прежний коммунизм не поставил во главу угла сотериологическую науку, то речь идёт о новом коммунизме. То есть о коммунизме 2.0. Такой новый коммунизм и есть Сверхмодерн. Никакой разницы между коммунизмом 2.0 и Сверхмодерном нет.

Сотериологическая наука и служение человеку и человечеству как источнику беспредельного, бесконечного восхождения — вот что такое коммунизм 2.0, он же Сверхмодерн. И всё это есть у Маркса. И у коммунистов тоже. У марксистов этого нет. И у зюгановцев (что, надеюсь, всем понятно до боли). А у настоящих коммунистов и Маркса это есть. И если брать по-крупному, то ничего, кроме этого, и нет.

Это и есть Красная Весна. Это и есть коммунизм как раскрепощение и пробуждение в каждом человеке высших творческих способ-

ностей. Не произойдёт этого раскрепощения и пробуждения без сотериологической науки и проекта, на неё опирающегося.

Всё это прекрасно понимали и Поппер, и фон Хайек, и другие. За это они ненавидели Маркса. И называли они это «преступным введением ценностей в науку». Для них это преступное введение ценностей в науку. А для нас — спасительное.

Но то, что Маркс ввёл ценности в науку, — несомненно. И то, что он собственную науку понимал как сотериологию, — это тоже несомненно. И то, что русские приняли Маркса за это, тоже несомненно. Как несомненно и то, почему они его за это приняли. Потому что это было созвучно их тысячелетним мечтаниям о целостности. Русская миссия в том, чтобы принести целостность и подарить её человечеству. Это спасительный для челове-

ства дар. И принести его в мир могут только русские в силу определённых их способностей, сформированных за тысячелетия. Они страшно дорого заплатили за это. Они лишили себя очень и очень многого. Но принесся огромные жертвы, они сформировали в себе эту способность.

Замысел по уничтожению русских созрел у тех, кто не хочет, чтобы русские подарили человечеству целостность. Врагу не нужно это. Или, точнее, это не нужно абсолютному врагу, врагу метафизическому. Уничтожая Россию, враг этот насыляет на Россию самые разные свои порождения, одержимые разными чувствами — жадностью, мстительностью и мало ли ещё чем. Но во главе такого многоликого воинства стоит враг, который хочет, чтобы человечество не получило никогда дар под названием целостность. И не

перешло на новый уровень, а напротив, низверглось в бездну.

III.

Вот что ныне лежит на весах и что совершается ныне. Не ощутив это с предельной остротой и отчётливостью, невозможно вести политическую войну. Или, точнее, русской душе вести эту войну невыносимо скучно и отвратительно. И иногда ей начинает казаться, что лучше послать всё к такой-то матери, чем разбираться в бесконечных хитросплетениях той пакостности, на которой основаны войны против России вообще и политическая война в особенности.

Именно по этой причине я считаю необходимым ввести в обзор политической войны такое длинное отступление. В противном случае кое-кто начнёт рассуждать, как грузин из

старого советского анекдота: «Слушай, дорогой, кому такая жизнь нужна? Возьми, пожалуйста!» Мол, если для того, чтобы отстоять жизнь, нужно погружаться в рассмотрение невероятных пакостей, — то кому такая жизнь нужна? В чём её, так сказать, абсолютное содержание? И есть ли оно?

Есть оно, друзья, есть. И враг это прекрасно понимает. Потому-то всё и пытается утопить в пакостях. И потому-то мы и должны — во имя этого высокого и прекрасного содержания — разбираться в кознях врага. Но ни в коем случае не сводить всё к подобному разбирательству. Мы ежедневно, ежечасно, ежесекундно должны помнить о том высоком и прекрасном, наличие чего отличает нас от врага и даёт нам шанс на победу. А также позволяет нам черпать силы из источников, для врага неведомых и врагу недоступных.

А потому разговор о Марксе и всё то, что из этого разговора следует, я считаю абсолютно необходимым — не только в качестве отдельного разговора о метафизических войнах, но и в качестве всеохватывающего и всеобъемлющего разговора о войне. Потому что только приобщение к высочайшему смыслу (он же метафизика) порождает идеалы. Только идеалы порождают цели. Только цели порождают смыслы. Только смыслы создают язык и коммуникацию. Только коммуникация обеспечивает сплочённость. Только сплочённость создаёт альтернативу всевластию врага. И так далее.

Не будет предельного, то бишь предельно высокого — мы не победим никогда. Причём это предельное должно быть для нас актуальным. Из него мы реально должны черпать силы. На него мы должны опираться в своей

обычной и чрезвычайной мобилизации.

IV.

Оговорив всё это и осуществив сопряжение всего этого с Марксом, я вовсе не утверждаю тем самым, что у Маркса можно найти все необходимые ответы на все вопросы современности. Это, безусловно, не так. Подлинное величие Маркса в том, что он создавал гносеологическое обществоведение. А также в том, что вменял ему активный подход. Тот самый практический подход, который не имеет ни малейшего отношения к практике в её приземлённом нынешнем понимании. Маркс был человеком светским. Но для него в каком-то — метафорическом, разумеется — смысле слова образцом практики была деятельность Господа Бога, сотворяющего мир. Вот он и говорил учёным, переводя обществоведение на

сотериологические рельсы: «Ну, что вы всё познаёте и познаёте! Надо творить! Конечно же, творить надо на основе знания. Но нельзя же сводить функцию знания к познанию. Функция знания — творчество, то есть активность. И в этом смысле — практика».

В таком активном подходе Маркса для нас есть огромная ценность постольку, поскольку этот подход является не только общенаучным, но и конкретно аналитическим.

Заявив об этом, я начинаю возвращать читателя к конкретным проблемам политической войны, ведущейся против России. Да и против нашего движения. Ведь именно исследуя то, как воюют против нас, мы наиболее целостно, одновременно интеллектуально и чувственно, можем понять, что такое политическая война. Совместив это понимание с участием в оной.

Ну, так вот... Активный подход Маркса в применении к аналитике сводится к следующему.

Предположим, что вы хотите понять структуру и природу чего-то, во что вы не можете непосредственно вторгнуться. Ну, например, вы хотите понять природу и структуру каких-нибудь подземных залежей. И вы почему-то не можете добуриться скважиной до этих залежей. Тогда вы начинаете измерять разного рода эффекты, которые эти залежи порождают на поверхности — какие-нибудь магнитные, электрические и прочие поля. Измеряя эти поля, вы хотите узнать побольше о структуре и о природе залежей. Именно этим занимается геофизика. И не она одна. Речь вообще идёт о решении так называемой обратной задачи. Объект посылает нам сигналы. Мы их измеряем. И по изме-

ренным сигналам пытаемся что-то понять в природе и структуре объекта.

Тут что работа геофизика, что работа следователя, который по сигналам (следам преступления) пытается оценить объект (мотивы преступника, личность преступника и так далее). Всё то же самое касается и других исследований, не имеющих никакого отношения ни к геофизике, ни к следственным мероприятиям. Как только у вас есть объект, который подаёт сигналы, и вы ставите перед собой задачу восстановления структуры и природы объекта по этим сигналам, вы занимаетесь аналитикой. Тем самым любой аналитик занимается решением той или иной обратной задачи.

Аналитика — это совокупность методов (как количественных, так и качественных), позволяющих решать разного рода обратные

задачи.

Обратные задачи всегда являются некорректно поставленными. То есть в принципе всегда возможно существование двух разных по природе и структуре объектов, выдающих вам одни и те же сигналы.

Поэтому пассивная аналитика — то есть аналитика, которая только интерпретирует сигналы, подаваемые вам объектом, — при всей её необходимости категорически недостаточна. Объект должен быть лишён способности выдавать вам те сигналы, которые он хочет выдавать. Вы должны заставить объект выдавать вам те сигналы, которые вам нужны. То есть активно воздействовать на объект. Если вы замеряете, к примеру, магнитное или электрическое поле, создаваемое самим объектом, то вы пассивно исследуете объект. А если вы посылаете в объект

мощные магнитные и электрические импульсы, то вы заставляете объект откликаться. Вы вскрываете, взрываете объект. Побуждаете его к раскрытию и узнаете о нём гораздо больше. Чем мощнее и болезненнее для объекта ваши импульсы, тем сильнее он раскрывается.

Тут впору говорить о допросах, о следственных экспериментах, о специально организуемых ловушках. Потому что, повторяю, аналитика очень многолика. Она может носить и гуманитарный, и естественнонаучный характер. Она может пользоваться совершенно разными методами.

Для меня крайне важно, чтобы читатель понял, чем пассивная аналитика (она же аналитика наблюдения) отличается от активной аналитики (она же аналитика воздействия). Когда мне очень важно, чтобы читатель по-

нял нечто весьма сложное, но абсолютно необходимое для него (точнее даже, для его дальнейшей деятельности, то бишь участия в военных действиях), — я использую анекдоты как поясняющие метафоры. В данном случае расскажу читателю такой анекдот.

Полковник пьёт чай и говорит денщику, который принёс ему самовар: «Неси сюда кота». Денщик приносит кота. Полковник приказывает денщику, чтобы тот тянул кота за гениталии. Денщик исполняет приказ. Кот истошно орёт. Полковник меланхолично констатирует: «Очень они этого не любят».

Что сделал полковник? Он осуществил активное воздействие на кота. Без этого воздействия кот не раскрылся бы нужным образом. Он бы мурлыкал себе и мурлыкал. И вы бы всё говорили, что это киса, киса! А когда вы оказали активное воздействие, кот взбесился.

Вы увидели не кису-муру, а совсем другое существо. И — постигли природу объекта с помощью активного на него воздействия.

Ровно такой метод я использовал в передачах «Суд времени» и «Исторический процесс». Потому что нужно было не просто победить противника, предъявив ему определённую аргументацию. Нужно было ещё и обеспечить самораскрытие противника. Снять с него те или иные маски. Превратить кису-муру в вопящего яростного кота. И тем самым раскрыть обществу природу данного кота во всей её полноте.

Конечно же, я считаю оскорбительным для любого кота сравнение его со Сванидзе и Млечиным. Потому что кот — это существо благородное, тонкое и в каком-то смысле высокоморальное. В каком-то смысле — это значит по сравнению со Сванидзе и Млечи-

ным. А также прочими «тамошними». Поэтому я прошу прощения у всех котов, живущих на планете Земля, за это оскорбительное для них сопоставление и надеюсь, что коты меня простят. И кошки тоже. Потому что сравнить сколь угодно надрывно визжащую драчную кошку с госпожой Лариной или госпожой Петровской — это значит оскорбить кошку. Но поскольку я веду войну против врага человечества, а враг человечества, по определению, является одновременно и врагом горячо любимых мною кошек, собак и природы в целом, то пусть глубоко уважаемые мною животные простят меня. Осознав, что война ведётся и во имя их защиты от врага человечества.

V.

Истошные визги после Поклонной горы и после Колонного зала порождены нашими активными воздействиями. И потому являются бесценными не только с политической, но и с аналитической точки зрения.

С политической точки зрения они являются бесценными потому, что дали возможность решить определённые задачи. А с аналитической точки зрения они являются бесценными потому, что позволяют активным образом раскрыть структуру и природу объекта под названием «враг».

Да-да, объекта! Я не противоречу себе, называя в данном случае врага объектом. Я много раз настойчиво говорил о том, что объекты существуют только в естественных науках. Мол, исследуемый камень является объектом потому, что он не знает ни о том, что

его исследуют, ни о том, как именно его исследуют. А исследуемый человек объектом не является. Потому что он знает, что его исследуют. Может догадаться, как именно его исследуют, и сознательно исказить посылаемые сигналы, обманывая исследователя.

То есть наука как субъект-объектное взаимодействие (исследователь — субъект, исследуемое — объект) возможна лишь там, где объект лишён разума. А там, где объект наделён разумом, он уже не является объектом, а является субъектом. И субъект-объектное взаимодействие превращается в субъект-субъектное взаимодействие. Каковое является уже не наукой, а игрой. Игра намного сложнее науки, неоднократно говорил я, ссылаясь на военные игры, в которых противники друг друга обманывают, на игры спецслужб, финансовые игры и так далее.

Так как же я теперь могу говорить об активном исследовании объекта, вовлекая вдобавок в столь серьёзный разговор какие-то анекдоты?

Но ведь я сказал читателю, что субъект-объектный метод возможен тогда, когда объект лишён разума. Обезумевший человек лишён разума, и в этом смысле его можно считать объектом именно в той степени, в какой он лишён этого самого разума.

В ходе вышеназванных телевизионных передач я неоднократно лишал разума дражайших собеседников. Лишённый разума Млечин мог начать говорить, что в 70-е годы XX века его столичные друзья, вместе с которыми он обучался в элитном московском вузе, ели только картошку, пухли, были зелёными, страдали от голода, шатались аки бледные тени и так далее.

Для того чтобы начать это утверждать, нужно было сначала потерять разум и превратиться в объект. Но ведь не сам же Млечин терял разум? — этак, знаете ли, брал его и терял, как кошелёк или мобильный телефон. Млечин терял разум в результате определённых воздействий. Воздействия, в результате которых разумное существо теряет разум, называют шоковыми.

VI.

Разумное существо, подвергнутое шоковому воздействию, не способно к имитациям. С него слетают все социальные маски. Оно теряет способность просчитывать шаги, анализировать эффект, порождаемый его словами. Оно теряет аналитическую способность вообще. И уподобляется тому самому коту из

анекдота, которому я уже принёс извинения за это уподобление.

В итоге мы получаем ценнейший экспериментальный — аналитический и политический — материал. Аналитический позволяет нам выявить структуру и природу объекта под названием враг. И не надо обольщаться. Очень быстро враг придёт в себя и превратится из объекта в субъект. Так что пользуйтесь коротким моментом, в ходе которого у врага отняли способность к имитациям, надеванию масок, ведению рефлексивной игры. Тем моментом, в ходе которого враг будет раскрывать свою сокровенную природу. Поняв её, вы можете открыть новые источники, из которых можно черпать силу для ведения войны. Вы можете точнее вести войну. Вы можете иначе консолидироваться. И вы можете доказать всё большему количеству людей,

что против них ведётся война. А также объяснить, какая именно ведётся война. И почему они, коль скоро ведётся именно такая война, уклониться от участия в войне не имеют права.

Кто-то, наверное, скажет, что объективировать субъект, оказывая на него шоковое воздействие, — значит проявлять жестокость. Что Ларина, например, это тоже человек. И с моей стороны крайне негуманно подвергать её шоковому воздействию в виде внимательного прослушивания того моего доклада, который я произнёс в Колонном зале 9 февраля 2013 года. И что то же самое касается других многочисленных лариных, приведённых этим докладом в состояние, по отношению к которому визг кота из анекдота — это меланхоличное, напрочь лишённое темперамента размышление... ну, я не знаю... какого-

нибудь Швыдкого, пытающегося изобразить из себя хладнокровнейшего поборника высочайших культурных норм.

Согласен, что введение категории «эксперимент» во всё, что касается бытия представителей хомо сапиенс, недопустимо. Что все, включая Ларину, Белковского, Латынину и т. д., имеют право на статус хомо сапиенс. А значит, должны быть защищены от экспериментов вообще и моих шоковых экспериментов, в частности. Но они-то все считают себя прогрессорами и в силу этого настаивают на своём праве проведения экспериментов на данной территории. Восхищённо говорят об экспериментах Гайдара, о незавершённости в России либерального эксперимента. И много ещё о чём.

Когда вам в физиономию летит камень, а вы его отражаете, и этот камень отскакивает

в физиономию того, кто в вас его запустил, — вы ведь не совершаете ничего греховного, не правда ли? Вот так же и я, отражая расчеловечивающую экспансию и производя этим шоковое воздействие, никого не расчеловечиваю. Я слежу за результатом осуществлённого мною отражения чужих разрушительных воздействий на всё то, что мне дорого. И постигая природу разрушителя, природу, которую этот разрушитель в иных ситуациях скрывал, а в данном случае обнажает, я убеждаюсь в необходимости вести войну. Уточняю, как именно надо её вести. И убеждаясь сам в необходимости ведения войны, я в этом убеждаю других. Что, между прочим, означает, что я веду войну, а не прячусь в башне из слоновой кости.

VII.

Оговорив всё это, я предлагаю читателю следующее.

Осознайте, что вы ведёте войну, отстаивая наимасштабнейшие и наибогороднейшие ценности. Прикоснитесь к этим ценностям. Зарядитесь от них позитивной энергией. Возлюбите их по-настоящему.

Осознайте, что если вы не будете воевать с врагом, то враг эти ценности уничтожит. Соорудите из этого осознания что-то наподобие скафандра. Наденьте этот скафандр на себя. И спуститесь вместе со мной с горы этого высокого осознания в зловонное болото, где шипят змеи, разбуженные нашими воздействиями. Отследите реакции этих змей, их телодвижения. Измерьте степень их ядовитой двусмысленности. Внимательнейшим образом изучите, как именно они ведут себя в

подобных ситуациях. Спрогнозируйте на этой основе их дальнейшие действия. И, вооружившись всем этим, вооружите этим других. Сплотите их вокруг себя. Добейтесь, чтобы они осознали подлинную природу происходящего. И предуготовьтесь к новым сражениям с очень сильным, очень коварным, но отнюдь не всемогущим врагом.

Пока что мы всего лишь разработали такой сценарий нашего поведения, соорудили скафандры и приготовились к нисхождению в болото, кишашее разбуженными змеями, беспредельно взбешёнными тем, что именно мы с вами осуществили в Колонном зале.

В следующем номере газеты я спущусь вместе с читателем в болото. И мы вместе будем добывать крайне важную информацию.

Сергей Кургинян

Экономическая война

Ещё раз о сути экономических войн

Принципиальная новизна пост-классической эпохи состоит в том, что в «новых войнах» экономические, идеологические, концептуальные и т.п. средства ведения борьбы используются иногда вообще без применения вооружённых сил

Беспощадная, зловещая новизна ХХІ века не укладывается в сознании очень и очень многих. Порою даже тех, кто решил встать под наши знамёна. Всем, кто отторгает эту зловещую новизну, надо бы перечитать толстовского «Холстомера». Коня хотят зарезать. К нему подходит живоде́р. А конь в свойственном ему ключе рассуждает: «Наверное, лечить будут».

Разница между экономической войной и экономической конкуренцией ровно такая же, как между пришествием живоде́ра по душу этого самого Холстомера — и пришествием ветеринара. Ветеринар ведь иногда лечит больных животных очень жестоко. Но он их лечит. А живоде́р может перед тем, как убить, даже ласково потрепать по холке.

Конкуренция бывает очень жестокой. Конкурентов разоряют, выбрасывают с рын-

ков. Проигравшие конкуренты сходят с ума, кончают самоубийством. Но это всё — не та страшная, зловещая новизна, с которой мы сейчас сталкиваемся. Это другой — классический, а не постклассический — мир. Знакомый нам по фильмам и книгам. По всем этим Драйзерам, Джекам Лондонам и так далее.

Не желая признать жестокую новизну в том, что касается экономических войн, защищаясь от этой новизны, многие защищаются и от другой новизны, связанной с наличием разного рода войн. С возможностью врага уничтожить государство и народ, ударив почти невидимыми способами по почти неосязаемым точкам. Поразительно, что эту новизну отторгают люди, с невероятной силой переживающие крах СССР. Люди, которые ведь точно знают, что ни один самолёт не взлетел, ни один танк не выехал из ангара

— а страны не стало.

Пытаясь осмыслить для себя это «не стало», разместить его в своём сознании, люди подбирают объяснения, сообразные существующим у них матрицам. Матрицам, унаследованным из классического советского периода.

Они не понимают того, что эти матрицы уже сильно искорёжены врагом, применившим против них излучение, по разрушительной силе вполне сходное с рентгеновским.

Они не понимают также, что зловещая новизна не может разместиться даже в неповреждённой матрице их классического сознания.

И, наконец, они боятся, что если эту новизну начать впихивать в их классические матрицы, то она поломаёт матрицы, которые они берегут. С чем тогда они останутся?

Они боятся этого оправданно. Нельзя про-

сто впихивать новое содержание в прежние матрицы. Надо постепенно воздействовать на старые матрицы так, чтобы дозированная новизна содержания постепенно меняла матрицы. А в изменённые матрицы могло входить больше и больше нового содержания. Чем больше его войдёт, тем сильнее будут меняться матрицы. Чем больше будут меняться матрицы, тем больше может в них войти нового содержания. Новое содержание — матрица-штрих. Матрица-штрих — ещё более новое содержание, оно же содержание-два штриха. И так далее. Модифицированный вариант знаменитых формул Маркса.

Только на это мы можем рассчитывать в нынешней ситуации.

Досужие рассуждения по поводу того, что границы между видами войн так же подвижны, как границы между войной и конку-

ренцией, предлагаю выбросить в мусорный ящик. И заняться делом — то есть размещением в своём сознании нового содержания и мягкой трансформацией сознания с тем, чтобы оно не рухнуло, а стало сообразным этому содержанию.

Враг не верит в то, что мы это осуществим. Потому что мы взыскуем таких трансформаций ума и души, которые порой осуществляли на уровне малых групп, но никогда в короткие периоды не осуществляли в масштабах общества или в масштабах крупных социальных групп, входящих в это самое общество. Но нам ничего другого не остаётся. Враг загнал нас в «Зону Ч», и мы можем выбраться из неё только так.

Что же касается того, что границы размыты, то они всегда размыты. В мире нет чётких границ. Они существуют только на бумаге.

Да и то — раз есть перо, проводящее линии, то есть и размытость границ. Даже в классическом мире граница — это не линия, а узкая полоса.

А в мире квантовом, например, все границы превращаются в причудливые диффузные полосы, облака и тому подобное. Но необходимость разграничивать по-новому не означает отсутствие разграничения как такового.

Итак, ещё раз о разграничениях.

Принципиальное отличие экономической войны от конкуренции заключается в том, что экономическая конкуренция ведётся в рамках правил, строго определённых национальными законами и международными соглашениями (конвенциями).

Непримиримо и беспощадно конкурировать с соперниками на внутреннем или мировом рынке по цене, качеству, ассортименту,

потребительной привлекательности продукции или услуг — законно. А если к перечню законных способов конкуренции добавляются экономический шпионаж... или взятки чиновникам, принимающим экономические решения... или злонамеренная дезинформация таких чиновников насчёт последствий этих решений... или шантаж власти угрозами безопасности страны, социальных групп, лично представителей власти... или теракты и диверсии, и т. д. — то это уже экономическая война.

О шпионаже и диверсиях я уже говорил в связи с энергетическими войнами. Но бывает и иначе.

Например, предложения правительству Египта закупать зерно у США, Канады, России или Казахстана, где каждый из продавцов называет наиболее выгодные условия сво-

их контрактов, — это конкуренция. А private переговоры, в которых правительству Египта объясняют, что если оно решит покупать российское или казахстанское зерно, то не получит транш кредита МВФ для его оплаты, и в стране начнутся голодные бунты, — это уже экономическая война.

Соперничество внешних компаний за консультационные услуги корпорациям и правительствам по выбору экономической стратегии, повышающей эффективность национальной экономики или её определённых отраслей, — это конкуренция. А предоставление таких «консультационных услуг», которые приводят к разрушению и деградации национального хозяйства или его попаданию в разного рода «ловушки стагнации», — это экономическая война.

Но экономика — это сложная подсистема

общества и государства. У экономики есть и собственная системная связность, и собственные подсистемы. Значит, системная война с экономикой должна — опять-таки, системно — включать в себя различные «военно-экономические» механизмы и инструменты, адресованные разным подсистемам экономики.

Отсюда следует, что анализ экономических войн должен начинаться с рассмотрения (по необходимости краткого) хозяйственно-экономической системности.

Любая хозяйственно-экономическая система включает реализацию таких функций, как

- производство;
- распределение;

- обмен;
- потребление.

Всё это было ещё в эпоху родовых и родоплеменных общин.

Накопать съедобных кореньев, добыть обломки кремня и сделать из них рубила, топоры, скребки, наконечники копий, наловить рыбы и сделать из её костей иглы, убить пещерного медведя и обустроить для своего рода его пещеру, сделать лежанки и одежду из его шкуры и амулеты из его клыков — это производство.

Разделить полученную еду, одежду, орудия труда между воинами, женщинами, детьми, стариками — это распределение.



Наскальная живопись эпохи мезолита.
Пещера Ласко, Франция

Договориться с соседним родом о том, чтобы за охру для ритуальной раскраски воинов получать от него обломки хорошего прочного кремня — это обмен.

Использовать произведённое (добытое, сделанное) и обмененное для выживания и роста рода — это потребление.

А если соседний род кремни в обмен на охру не отдаёт, а без кремня не накопать нужных кореньев и не обеспечить удачной охоты? Тогда можно попытаться кремни украсть или отнять силой. И это уже первая — в том числе, экономическая — война.

С той древней эпохи человеческие сообщества проходили длинный путь хозяйственно-экономического развития.

Сначала — до натурального (традиционного) хозяйства, в котором почти всё необходимое для жизни рода/племени произво-

дилось, распределялось, обменивалось и потреблялось в рамках общины, и лишь незначительная часть приобреталась за счёт межобщинного натурального (как сейчас говорят, «бартерного») или денежного обмена. И где уже была, наряду с общинной собственностью, и частная собственность.

Затем хозяйственно-экономическое обеспечение общества развивалось до городских/государственных систем. Которые были устроены, в современных терминах, «административно-командно», но с профессионально-кастовой специализацией населения (рабы, свободные земледельцы, ремесленники, торговцы/купцы, госслужащие, жрецы и т. д.). И где одновременно была и частная собственность (в том числе, на орудия труда), и товарное (то есть, не только для себя, но ещё на обмен и продажу)

производство предметов потребления и услуг.

Такой была, например, хозяйственная система Древнего Египта с её преобладанием государственного накопления и распределения ключевых (трудовых, продовольственных и т. д. ресурсов). Вспомним в связи с этим, в частности, библейский сюжет о «семи годах тучных коров», во время которых изобильные урожаи зерна копились в фараоновых закромах, и «семи годах тощих коров», во время которых выживание народа и государства обеспечивалось централизованными раздачами хлеба.

А одновременно в том же Древнем Египте были частная собственность, налоговая система, рынки и торговые (натуральные и денежные) обмены. Включая внешнюю торговлю со странами Ближнего Востока, Африканского Рога и даже Передней Азии. И были

внешние вооружённые (собственно военные) и военно-экономические конфликты.

Но примерно такими же были (разумеется, со своей спецификой) и хозяйственно-экономические системы древних Вавилона, Ассирии, Китая, Индии.

Не буду здесь описывать дальнейшее развитие хозяйственно-экономических систем (на эту тему есть немало хороших книг). Укажу лишь, что из рассмотренных выше «корней» в итоге выросли и административно-плановые экономики, и либерально-рыночные экономики с преобладанием частной собственности, и так называемые «смешанные» экономики со сложным взаимодействием государственной и частной собственности и, соответственно, рынка и плана.

И отсюда же выросла и современная гло-

бальная экономика с её системой межгосударственной торговли товарами и услугами, глобальной финансовой системой и множеством взаимоувязанных подсистем производства, распределения, обмена и потребления.

В условиях такой сложности национального и мирового хозяйства любая экономическая война не может не являться — просто по факту системности хозяйственно-экономической деятельности — частью взаимосвязанных, многоплановых и многоракурсных военных действий.

Но принципиальная новизна постклассической эпохи состоит в том, что в «новых войнах» экономические, идеологические, информационно-психологические, концептуальные и т. д. средства ведения борьбы используются не только системно, но иногда вообще без применения вооружённых сил.

При этом военно-экономические действия противника могут адресоваться разным подсистемам хозяйственно-экономической системы противника. Экономическую войну могут вести в целях подрыва финансовой системы (финансовые и валютные войны). Или в целях подрыва сырьевого базиса (ресурсно-сырьевые, в том числе энергетические, войны). Или в целях подрыва потенциала экспорта и импорта (торговые и тарифные войны). Или в целях подрыва технологического уровня и массовой квалификации кадров объекта войны (научно-технологические и образовательные войны), и т. д.

А ещё могут вести все эти типы экономических войн одновременно.

А ещё есть и такой тип экономических войн, целью которого является «смысловая перевербовка» широких масс страны-объекта

Ещё раз о сути экономических войн 90
войны и её управляющего класса. Такая перевербовка, чтобы управляющий класс поверил в искренность и правильность экономических рекомендаций врага. И (добровольно и самостоятельно!) применил такие — убийственные — стратегии экономического управления, которые парализуют экономику, создают в стране-жертве кризисные социально-экономические и политические ситуации, и препятствуют выходу из кризиса.

Но подобные сложные «смысло-экономические» войны мы обсудим позже. А начнём с самого, видимо, древнего типа экономических войн — торговых войн. И постараемся проанализировать их наиболее существенные современные трансформации и результаты.

Об этом — в следующей статье.

Юрий Бялый

Информационно- психологическая война

Сокрушение Красной Церкви

Формула «коммунизм — самая настоящая новая религия» легла в основание одного из ключевых направлений информационно-психологической войны против СССР

Успешность информационно-психологической войны во многом зависит

от того, насколько точно враг понимает вашу природу. Он не может рассчитывать на победу, не определив, что вы собой представляете. И не выбрав метод борьбы сообразно поставленному диагнозу.

В предыдущей статье мы познакомились с представлением Константина Мельника о том, что такое коммунизм. Напомню, Мельник — человек, посвятивший всю свою жизнь «крестовому походу» против СССР, — утверждает, что коммунизм — это новая религия. И что в коммунизме ничего нельзя понять, если рассматривать его только как идеологию.

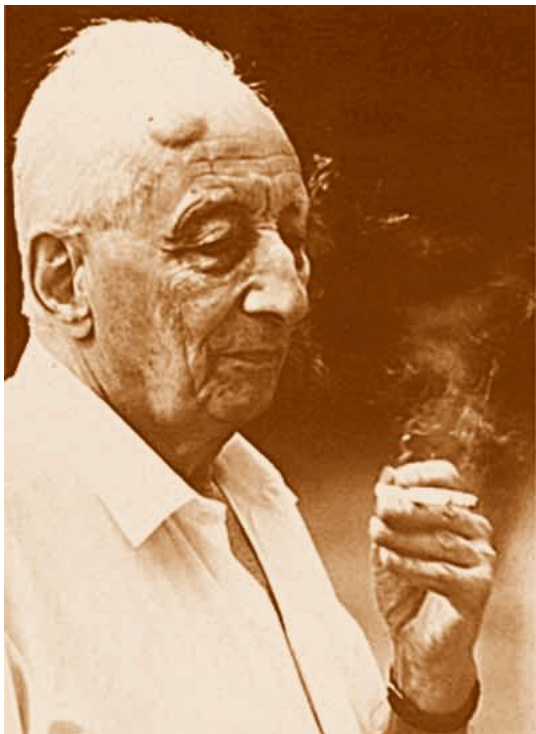
Если бы такого представления придерживался отдельный представитель белоэмигрантской среды, тема не заслуживала бы внимания. Однако Мельник прямо говорит, что впервые услышал о религиозной природе коммунизма от князя Сергея Оболенского

— французского иезуита русского происхождения, занимавшего видное положение в ватиканской организации «Руссикум». Именно Оболенский привлёк двадцатилетнего Мельника к работе в сформированной «Руссикумом» группе, которую сам Мельник называл *«чем-то вроде русского отдела ватиканской разведки»*. Какие задачи решал Ватикан с помощью этой небольшой группы? В частности, *«пытался постичь суть коммунизма, который был врагом католической церкви»*.

Оболенский учил своего юного коллегу аналитическому, не замутнённому ненавистью взгляду на предмет, суть которого предстояло постичь. Усвоил ли ученик этот урок? До некоторой степени. Мельник утверждает, что его не зашкаливало от ненависти к коммунизму и ко всему советскому, как мно-

гих эмигрантов. «К «гомо советикус», как этому учил Сергей Оболенский, я относился как учёный. . . »

Что же анализировали «учёный» и его коллеги по «русскому отделу»? Нельзя отказать противнику в верном чутьё: иезуитов интересовали истоки коммунизма, глубинная преемственность между СССР и досоветской Россией. Возможно, толчком к исследованиям в данном направлении послужила книга Николая Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», вышедшая в 1938 году. (Она была опубликована на немецком — но для перешедших в католицизм высокообразованных представителей русской эмиграции калибра Сергея Оболенского знание нескольких иностранных языков было нормой.)



Князь Сергей Оболенский

Такой подход был близок и Мельнику: «Я не разделял мнения наших несчастных эмигрантов, что Россия, дескать, ненавидит коммунизм, что тоталитарная система живёт только благодаря КГБ. По-моему, существовали какие-то особые отношения между русским народом и коммунизмом».

Странно, что догадавшись об «особых отношениях между русским народом и коммунизмом», Мельник не догадался, что если такие отношения существуют, то удар по коммунизму станет одновременно и ударом по русскому народу, «во благо» которого он вёл антикоммунистическую борьбу. И только когда СССР исчез с карты мира, Мельник запоздало обнаружил, что дело, оказывается, было вовсе не в коммунизме. Что Запад ненавидит и боится Россию ещё больше, чем нена-

видел и боялся СССР! *«Я мечтал, что когда рухнет коммунизм, Запад поможет новой России, как помогли Германии после разгрома фашизма. Запад не помогал, не помогает России и не понимает её... Боюсь, что она оказалась в изоляции...»*

Но вернёмся к эпохе, когда Мельник ещё «спасает Россию от коммунистической напасти».

Формула «коммунизм — самая настоящая новая религия» легла в основание одного из ключевых направлений информационно-психологической войны против СССР. Но из этой формулы неизбежно вытекало, что борьбу с коммунизмом нужно вести сообразно его РЕЛИГИОЗНОЙ природе. То есть, задействовав накопленный человечеством опыт БОРЬБЫ С РЕЛИГИЕЙ.

Что это за опыт? Были ли применены

против коммунизма широко известные формы борьбы с религией? Были ли применены какие-то новые технологии?

Начнём с очевидного.

Во-первых, известной формой борьбы с религией является прозелитизм, то есть стремление определённой церкви обратить иноверцев (в рассматриваемом случае — коммунистов) в свою веру. Рука об руку с прозелитизмом идёт противодействие того, кто осуществляет прозелитизм, встречному прозелитизму со стороны представителей конфессии-конкурента (коммунизма). Таким, в общем-то, естественным для Церкви путём и пошёл поначалу Ватикан.

Во-вторых, в роли ниспровергателя религии зачастую выступает наука.

Ограничивалась ли борьба с коммунизмом как религией двумя этими направления-

ми? Ни в коем случае. Но для начала опишем именно их.

Если рассматривать ПЕРВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ, то тут одновременно происходило несколько процессов.

1) *Католический прозелитизм на территории СССР.* В первые послереволюционные годы католики не оставляли надежды на то, что советская власть пойдёт на плотное сотрудничество с Ватиканом. Либо не сумеет удержаться на плаву, что даст Ватикану шанс распространить своё влияние на территории бывшей Российской империи. Когда стало ясно, что коммунизм сам претендует на статус полноценной религии, а кроме того удерживает власть в стране, акцент был перенесён на подготовку католических священников — прежде всего, восточного обряда — для тайной работы на территории СССР.

2) *Католическое противодействие «коммунистическому прозелитизму» в странах Восточной Европы.* По словам Мельника, иезуиты из «Руссикума», считая увлечение восточноевропейцев коммунизмом после Второй мировой войны слишком опасным, организовали во всей Восточной Европе «настоящее подполье, что-то вроде религиозного Сопротивления. И они начали эту работу очень рано, в 1949 году... Они, конечно, думали, что если религиозное движение в странах Восточной Европы сохранится, то однажды это может привести к свержению советского строя в этих странах». Так, польской церкви «Руссикум» начал оказывать помощь сразу после войны, посылая и средства, и богослужебные книги. Польские события 1980-х годов, фактически поло-

жившие начало распаду социалистического блока, безусловно, можно считать следствием многолетних трудов Ватикана.

3) *Противодействие коммунизации католической Церкви за пределами соцлагеря.* Прежде всего, речь идёт об Италии, где коммунистические идеи были горячо восприняты многими католиками. Возможность возникновения глубокого коммунистическо-католического сплава была достаточно высока. И потому Ватикан с облегчением и одобрением воспринял вмешательство американцев в процесс послевоенной коммунизации Западной Европы. США поставили странам, претендовавшим на получение экономической помощи по плану Маршалла, категорическое условие: выведение коммунистов из состава правительств. Это требование было повсеместно выполнено к концу 1940-х.

Годы спустя христианский демократ Альдо Моро, пять раз возглавлявший Совет министров Италии, попытался изменить такое положение дел, выдвинув программу, в соответствии с которой коммунисты вновь могли бы войти в правительственные кабинеты. Процесс сближения между левыми и католиками, реально начавшийся в Италии, был насильственно прерван убийством Альдо Моро.

ВТОРОЕ НАПРАВЛЕНИЕ борьбы с коммунизмом как религией связано с попыткой уничтожить коммунизм, прибегнув к научной аргументации.

Наука против коммунистической религии... Дело, между прочим, не столь простое, как кажется на первый взгляд. Потому что Маркс тоже говорит о науке. И советские идеологи напирают на свою научность. И на свою антирелигиозность. Как проти-

вопоставить их религиозности — научность? Они ведь скажут в ответ: «А мы сами научные! И вдобавок антирелигиозные! У нас даже дисциплина такая есть — научный атеизм».

Так что же делать?

Прежде всего, искоренять — пусть даже и с помощью научного атеизма — всё то, что позволяет укрепить религиозный стержень коммунизма. То есть богостроительство, космизм, «богдановщину» и прочее. Многим членам «Сути времени» кажется, что против коммунистической религиозности выступает стопроцентно светская коммунистичность. Но это не так. Враги коммунизма, опасаящиеся его возрождения в России, страшатся именно возрождения коммунистической религиозности. И потому так яростно нападают на всё, что сулит такое возрождение. А что су-

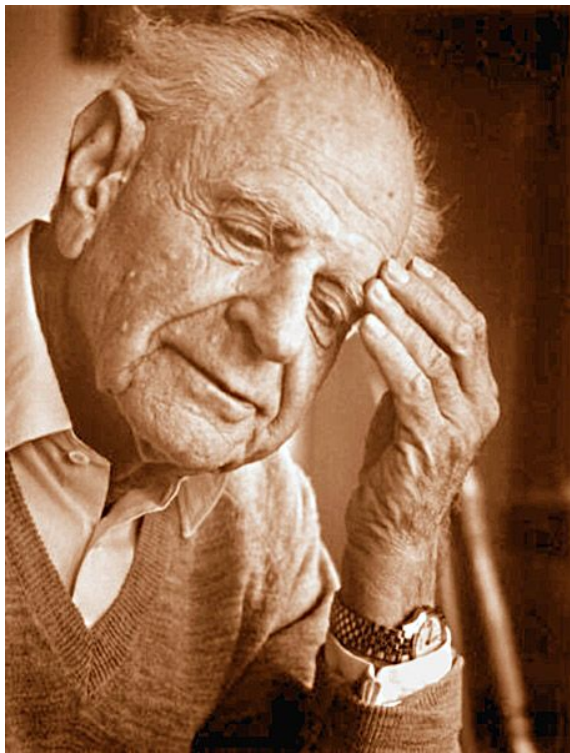
лит такое возрождение? Угадайте с трёх раз! И скажите честно — говорит ли об этом кто-нибудь, кроме Кургиняна?

Теперь давайте поиграем в игру наподобие «если бы я был директором». Только играть будем не в директора, а во врага. Задайте себе вопрос: «Что бы я делал, если бы был врагом коммунизма и был уверен, что возрождение коммунизма связано с красной религиозностью? Ведь понятно, что бы я в этом случае делал — истреблял все ростки такой религиозности. И мне было бы всё равно, кого при этом использовать — марксистского начётчика или подрывной элемент, натягивающий на себя маску такого начётничества».

Некоторые, между прочим, всерьёз называли главного коммунистического идеолога Суслова «убийцей смысла». То есть убийцей очень специфической красной религиозности.

А почему Суслов истреблял эту религиозность? Тайна за семью печатями. То ли в силу своей ограниченности, то ли в силу своей двусмысленности — какая разница? Суслов и Александра Яковлева опекал, и Михаила Горбачёва — это общеизвестно.

Но мало истреблять ростки весьма специфической — подчеркнём это ещё раз — коммунистической религиозности. Мало воспрепятствовать синтезу обычной религиозности и религиозности коммунистической, то есть тому, что олицетворяла собой теология освобождения. Надо ещё и бороться с марксизмом. Не с начётническим марксизмом, а с Марксом, научным гением. Но как с ним бороться, противопоставляя его теории некую науку, если он сам насквозь научен?



Карл Поппер

Вот тут-то и понадобились позитивисты. А также неопозитивисты. А также господин Поппер. В чём Поппер обвинил Маркса, а заодно Гегеля и Платона? Ну, хорошо, Гегеля и Платона он обвинял в идеализме. Но Маркса-то в идеализме обвинить было нельзя. И тогда Поппер обвинил Маркса в том, что тот втянул ценности в науку. И этим испортил её. А он, Поппер, создаст метод очищения науки от ценностей.

На самом деле, окончательное очищение науки от ценностей превращает науку в интеллектуального и морального калеку. Но это отдельный и достаточно сложный вопрос. Интересующихся адресую к статье Сергея Кургина в этом номере газеты. Свою же задачу вижу в том, чтобы обратить внимание читателя на неслучайный характер работ Поппера, фон Хайека и других. На то, что эти ра-

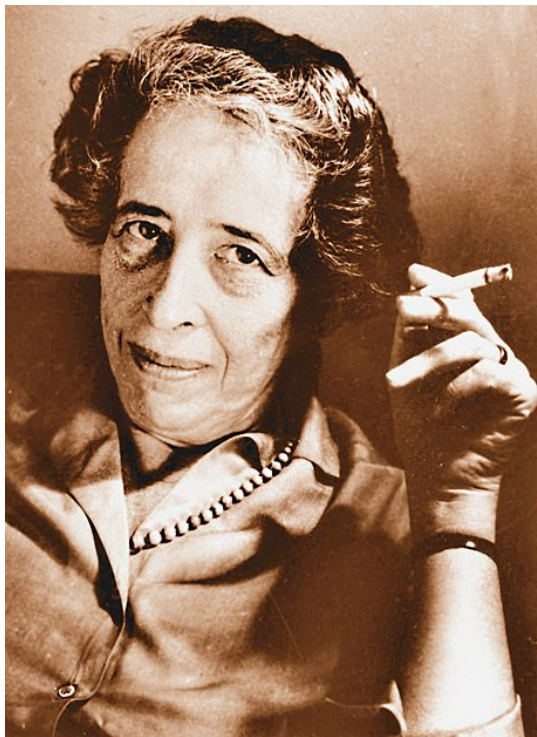
боты не были научными. Они были псевдонаучным средством выяснения отношений с Марксом и коммунизмом. Большой и страстной науке Маркса была противопоставлена наука мелкая и пошлая, сотворённая специально именно для того, чтобы, убив большую науку, убить всё религиозное в коммунизме, а через это убить и сам коммунизм. Ибо он религиозен. И убивать его надо через умерщвление размещённого в нём сокровенного религиозного содержания.

Говоря о борьбе с коммунизмом, многие обращают внимание на лживую теорию тоталитаризма, разработанную Карлом Поппером, Фридрихом фон Хайеком и Ханной Арендт. Как эта теория помогала бороться с коммунизмом — понятно. Она уравнивала коммунизм и фашизм, глубоко извращала суть войны между коммунистами и фашиста-

ми, выковывала новый либеральный фашизм (достаточно прочитать книгу Поппера «Открытое общество и его враги», чтобы понять: открытое общество — это общество вполне фашистского типа).



Фридрих фон Хайек



Ханна Арендт

Но обращая внимание на изобретённый антикоммунистами тоталитаризм попперовского разлива, мало кто обращает внимание на войну Поппера с Марксом. А эта война, по сути, является войной с коммунистической религией, причём войной тонкой и злокачественной. Потому что в виде средства, используемого в войне, создаётся очень страшная наука. И это чревато чудовищными последствиями в XXI столетии.

Впрочем, и к такой войне с красной религией всё никоим образом не сводилось. Для разгрома Красной Церкви понадобились и постмодернизм, и «карнавал» Бахтина, и столь выразительно описанная им Церковь Низа.

Но об этом — в следующей статье.

Анна Кудинова

Классическая война

На пути к советской военной доктрине

Гражданская война была не только мукой и ужасом, но и гигантской вспышкой разнообразного творчества, включая военное. Его породили народный гений, народная страсть, его следовало осмыслить

Период после Первой мировой войны в западной военной мысли характеризовался появлением целого ряда новых стратегических концепций. Этому было несколько причин.

Прежде всего, появилось новое поколение вооружений, которое полностью изменило техническую базу войны (отсылаю читателя к статье «Para Bellum» в №1 нашей газеты). Научно-технические усовершенствования, обновление старой и внедрение новой военной техники привели к небывалому усилению боевых возможностей всех родов войск. За годы войны почти заново создаётся авиационная промышленность и совсем заново — танковая. Неузнаваемо меняется промышленность, производящая подводные лодки. Колоссальные успехи делает производство артиллерийской техники (к примеру, сверхдальние орудия стреляли уже на

На пути к советской воен. доктрине 117
несколько десятков километров). В Первую мировую появились и широко применялись самолёты, танки, подводные лодки, зенитные и противотанковые пушки, миномёты, газобаллоны, газовые и дымовые снаряды, различные зажигательные средства, оптические и измерительные приборы, средства связи (телеграф, телефон, радио).

В связи с этим от военной теории потребовалось изменение стратегических подходов. В частности, стратегия обязательности генерального сражения, когда-то общепринятая и бесспорная, уже не отвечала новым требованиям войны. Теперь следовало учитывать возможность длительного сопротивления противника, в том числе, первому наносимому удару.

Кроме того, очень скоро стало понятно, что итоги Первой мировой не удовлетворя-

ют ни одну из ведущих мировых держав. От военных теоретиков потребовалась разработка военных концепций новой мировой войны. При этом стремление империалистических держав к мировому господству толкало их политиков к созданию многомиллионных армий, однако военные теоретики предостерегали от этого.

Они утверждали, что широкое участие народных масс в войне таит в себе огромные опасности, в частности, с точки зрения морального состояния армии. Война дала примеры революционных выступлений армий против собственных империалистических правительств, показала ненадёжность массовых пролетарских армий для достижения целей буржуазии.

Невозможность управлять такими массами людей без идеологической мотивации,

На пути к советской воен. доктрине 119

невозможность заставить их подчиняться приказу и отдавать свою жизнь ради непонятных им целей, опасность выхода из подчинения «человека с ружьём» — вот основания для появления концепций о необходимости небольших профессиональных армий с исключительно высокой насыщенностью техникой — «рыцарей в бронированных латах». Об этом писал модный в те годы в Европе военный исследователь англичанин Лиддель Гарт.

Другие теоретики решали эту проблему иначе. Большой популярностью пользовалась военная теория итальянца Дж. Дуэ о завоевании победы путём «воздушной войны». Ставку на «танковую войну» делали англичанин Дж. Фуллер и немец Х. Гудериан. Официальными считались концепции «тотальной и молниеносной войны» (Э. Людендорф, Гер-

На пути к советской воен. доктрине 120
мания), «морской силы» (А. Мэхэн и его последователи в Великобритании и США), «позиционной войны» (французский Генштаб).

Таким образом, западным военным теоретикам приходилось в своих концепциях учитывать такой фактор, как мощное революционизирующее влияние на пролетариат всего мира Великого Октября и Советского Союза — государства с совершенно новым общественным строем, которого не было прежде в мировой истории.

При этом Советский Союз был сильным и энергичным государством, готовым активно защищать свои завоевания. Достичь победы над его армией и народом было непросто, особенно учитывая начавшееся перевооружение Красной Армии.

Какой же была, с учётом сложившейся военно-политической обстановки в мире, во-

На пути к советской воен. доктрине 121

енная доктрина молодой Советской республики? Могла ли отечественная военная мысль что-то противопоставить западным военным концепциям?

У советских военных теоретиков не было сомнений в большой вероятности новой агрессии против Советской республики со стороны империалистических государств. В. И. Ленин всегда требовал помнить *«о постоянно грозящей нам опасности, которая не прекратится, пока существует мировой империализм»*. Партия большевиков также считала, что самым опасным является недооценка возможных противников. Уже в декабре 1921 г. в резолюции IX Всероссийского съезда Советов было записано: *«Новые враги могут оказаться лучше организованными, обученными и вооружёнными, чем те, над коими Красная Армия одержала*

Для большинства отечественных военных мыслителей было бесспорно, что со стороны империалистических государств СССР угрожает опасность, и что война с ними будет борьбой за спасение социалистического Отечества. Но кто же именно будет вероятным противником, как сложится соотношение сил в будущей войне, какое место в ней займут различные виды и рода вооружённых сил, какова будет роль человека и техники — вот вопросы, на которые должна была ответить будущая военная доктрина Красной Армии.

Военно-стратегические представления о характере будущей войны у советских военных теоретиков в 20–30-е годы формировались, исходя из опыта двух войн: Первой мировой и Гражданской войны 1918–1922 годов. В итоге сложились два направления: к од-

На пути к советской воен. доктрине 123

ному относились военные теоретики и практики, отдававшие предпочтение опыту мировой войны (условно, «технократы»), а к другому — те, кто считал наиболее ценным для понимания будущих войн опыт Гражданской войны (условно, сторонники «стратегической конницы»). Между этими двумя группами сложились отношения антагонизма, которые продолжались вплоть до начального периода Великой Отечественной войны.

Однако было бы упрощением сводить противостояние внутри военной элиты Советского государства лишь к конфликту «техника или конница», как это принято считать с хрущёвской подачи. Линия размежевания внутри советской военной элиты проходила и в связи с их ориентацией на высших партийных руководителей СССР — И. Сталина и Л. Троцкого.

Смерть В. И. Ленина в 1924 году положила начало внутриэлитному конфликту не только среди высших советских партийных деятелей, но и среди военных. Причём позиции одних (сторонников Л. Троцкого) были заведомо сильнее, чем позиции других.

Троцкий и его сторонники (в числе главных — М. Тухачевский, И. Уборевич, И. Якир и др.), а также часть бывших офицеров и генералов царской армии, перешедших на службу в части и штабы Красной Армии, абсолютизировали опыт Первой мировой войны и полностью отрицали достижения и опыт, накопленный в годы Гражданской войны. Они утверждали, что в эту войну военная наука и искусство деградировали, и поэтому опыт Гражданской войны не может найти себе применения.



И.Э.Якир, С.М.Будённый, М.Н.Тухачевский.

1935 г. Фото с сайта mn.ru

Противоположные позиции занимали молодые командиры, ставшие военачальниками в годы Гражданской войны — Ворошилов, Будённый, Щаденко, Кулик и другие. Они, в свою очередь, абсолютизировали её опыт,

недооценивали роль техники и военной науки, считали, что главным и решающим условием победы является боевой дух и революционное сознание. Сторонники этой позиции во внутриэлитной борьбе ориентировались на И. Сталина.

Отметим, что вновь перед нами выступает проблема противостояния «духа» и «материи», но уже в совершенно новой ситуации военно-политического строительства армии фактически с нуля.

Ещё одной точкой конфликта между двумя группами военных была идеология. Сторонники Троцкого в полном согласии с идеей «перманентной революции» считали, что долгом Красной Армии является внесение в Европу «революции на своих штыках». Эта идея занимала центральное место в рассуждениях и военной практике М. Тухачевского,

На пути к советской воен. доктрине 127

который в сборнике статей «Война классов» в 1921 году, в частности, писал: «Совершенно невозможно вообразить, чтобы мир, потрясённый до своих основ мировой войной, мог бы вдруг спокойно поделиться на две части — социалистическую и капиталистическую, которые могли бы вдобавок жить в мире и согласии. Совершенно ясно, что такого времени не настанет и социалистическая война будет непрерывна до победы той или иной стороны». И дальше: «...Государство, находящееся под властью рабочего класса, ставит себе политическую цель в войне не сообразно со своими вооружёнными силами, а, наоборот, должно создать себе достаточные силы для завоевания буржуазных государств всего мира».

Полноты ради надо отметить, что таких

же радикальных взглядов на характер доминирующих отношений в мире придерживались не только советские военные, опьянённые победами революции и Гражданской войны. Так же, «через прорезь прицела», смотрели на взаимоотношения с Советским государством и противники СССР.

«Конники», как полупрезрительно называли сторонники Троцкого командиров Гражданской войны, скептически смотрели на идею интернационализации революции и главной задачей государства считали защиту и сохранение завоеваний Октября на собственной территории.

Как мы видим, вновь возник всё тот же конфликт «огнепоклонников» и «штыколюбов», как во времена Драгомирова, только теперь «штыколюбов» сподручнее было бы называть «конелюбами» или «тачанколюбамии».

Конфликт, существовавший ещё в царской армии, воспроизвёлся в армии Советской России, одновременно существенно усложнившись. Ведь в чём состояла, если можно так выразиться, концептуальная и одновременно психологическая суть подхода, исповедуемого Троцким и его командой?

Суть этого подхода состояла в следующем: «Да, нам пришлось во время Гражданской войны опереться на плохо организованное мужичье и его причуды. На всех этих Котовских, Будённых, Чапаевых... На этих полубандитов. Да, с их помощью мы победили! Но теперь мы взяли власть, мы — государство. И теперь мы можем опереться на солидное, обстоятельное, отбросив всю эту пену эпохи Гражданской войны. И конечно, нам надо самым существенным образом вобрать западный военный опыт, он более прогрессивный!».

Спросят — а что тут не так? Разве в Гражданскую войну не было пены? Разве не надо было сделать всё по-взрослому и готовиться к большой войне, которая не чета Гражданской? Конечно, надо было. И конечно, в Гражданской войне было много пены. Ведь подход, который исповедовали новые «штыколюбы», они же «тачанколюбы», заключался в том, что всё надо было оставить так, как это было во время Гражданской войны. Разбили ведь беляков и Антанту! Теперь надо воспроизвести позволившую это сделать военную модель, увеличив её во много раз. Скажем, в масштабе 1:20. Больше коней, больше тачанок... Конечно, добавить кое-какой техники... И так далее.

Этот подход был подвергнут глумлению при Хрущёве. Ворошилов, Будённый и прочие (а они-то и были антитроцкистами по

очень многим причинам) были названы «старыми, безграмотными дилетантами». Что было явным образом клеветой. И глубоким искажением существа дела.

Но как же можно было пройти между двумя этими крайностями? Как и куда, в какую новую военную реальность? Ведь задача и впрямь состояла не в том, чтобы увеличить количество тачанок и усовершенствовать их устройство. Так в чём же правда «тачанколюбов», героев Гражданской войны, и стояла ли за ними какая-то правда?

Правда состояла в том, что, отказываясь от прямого копирования той модели, которая дала возможность победить в Гражданской войне, нельзя было отказываться от некоего концептуального принципа, суть которого состоит в следующем. Гражданская война вообще и в особенности та Гражданская вой-

На пути к советской воен. доктрине 132

на, которая прошла по территории Советской России, была не только муťou и ужасом, но и гигантской вспышкой разнообразного творчества, включая военное. Его породили народный гений, народная страсть, и его следовало осмыслить и перевести в новое качество. Но именно осмыслить, а не отбросить, как этого хотел Троцкий, и не буквально воспроизвести, как этого хотели его противники. При этом раздув эту буквальность, и только.

Обязательно должен был появиться человек, сказавший: «Просто раздувать эту буквальность не будем, но и отбрасывать военное творчество народа тоже не будем. Будем это творчество осмысливать, выявлять в нём подлинно драгоценное. И это подлинно драгоценное переводить в новое качество. Мы как ученики Ленина будем делать это со всем — с общественной жизнью, с образованием, куль-

турой. И это же мы будем делать с армией. Осмысливать, сепарировать, переводить в совершенно новое качество и верить в принципиальную важность народных открытий. Вот новая военная формула».

Эту формулу предложил М. В. Фрунзе. О том, как именно он это сделал и каковы были последствия — в следующей статье.

Юрий Бардахчиев

Наша война

Разведка съездом, или Это, конечно, атас!

Как и положено было в советские времена, после съезда состоялся концерт. И не какой-нибудь там маленький, незаметный, а грандиозный! Концерт — по собственному почину! Бесплатно! — устроили наши доблестные средства массо-

вой информации и примкнувшая к
ним блогосфера



Съезд родителей России, который Движение «Суть времени» организовало и провело 9 февраля с.г. в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, оказался во всех отношениях выдающимся событием.

И потому, что проведя этот съезд, «Суть времени» смогла продемонстрировать своё не только идейное, но организационное взросление.

И потому, что это был действительно съезд равнодушных родителей и организаций, их представляющих.

И потому, что на нём была учреждена новая Общероссийская общественная организация РВС — «Родительское Всероссийское Сопротивление».

И потому, что была образована Коалиция родительских общественных движений, Декларацию которой подписали, помимо РВС, ещё 8 организаций, договорившиеся вместе бороться за светлое будущее детей России.

И потому, что в докладе С.Е.Кургиняна съезду было во всеуслышание заявлено, как именно «Суть времени» понимает и позицио-

нирует «детские» и «родительские» проблемы современной России среди других проблем и на фоне политического курса и власти, и оппозиции.

И — главное — потому, что на этом съезде появилась надежда, что многомесячные усилия активистов «Сути времени», АРКС, других родительских организаций, боровшихся против принятия законов, продвигающих в нашу страну западные ювенальные технологии, приведут, наконец, к успеху. Эту надежду породило неожиданное для всех появление на съезде Президента России В.Путина — впечатлённого собранными и переданными ему десятками тысяч подписей граждан — и руководителя его администрации С.Иванова. То, что Президент не смог и не захотел проигнорировать обращённые к нему письма десятков тысяч россиян, а наоборот, «*посчи-*

тал своим долгом встретиться с вами и объяснить свою собственную позицию по этим вопросам, позицию руководства страны», согласитесь, само по себе внушает некоторую надежду. То, что Президент фактически пообещал, что *«мнение общества, безусловно, будет услышано и, безусловно, будет учтено»*, эту надежду только укрепляет.

Все вместе эти достижения не могут не радовать, и ощущение значительности происходящего на наших глазах и созданного нашими руками большого политического события было буквально разлито в воздухе Колонного зала. Казалось, что всё сложилось как нельзя лучше.

Но... выяснилось, что всё сложилось ещё лучше, чем нам всем казалось. Как и положено было в советские времена, после съез-

да состоялся концерт. И не какой-нибудь там маленький, незаметный, а грандиозный! Концерт — по собственному почину! Бесплатно! — устроили наши доблестные средства массовой информации и примкнувшая к ним блогосфера. В нём приняли участие практически все звёзды отечественной эстрады политической журналистики и большинство известных блогеров.

Причём оказалось, что концерт начался ещё до завершения работы съезда. И продолжается он до сих пор (а сегодня мы переживаем 19 февраля 2013 г., то есть со дня съезда прошло ровно 10 дней).

Названием этого концерта вполне может служить реплика К.Лариной, журналистки «Эха Москвы», которая в перерыве передачи «Культурный шок», которую она вела днём 9 февраля, услышала в новостях о том, что

на Съезд родителей приехал Путин. *«Это, конечно, атас»* — завывала сказала она.

«Это, конечно, атас» — отличное название для концерта, не правда ли? Можно было бы, конечно, назвать его и более привычно (особенно для жителей интернета) — *«Как страшно жить»*, например, и это название тоже будет в какой-то степени отражать содержание концерта. Но, пожалуй, оно будет не так оригинально, как *«Это, конечно, атас»*, да и не так точно соответствовать эмоциональному накалу и интеллектуальному уровню этого удивительного явления, устроенного для нас вскладчину нашей болотно-либерально-оппозиционной журналистикой. Исчерпывающий анализ произошедшего, произведённый журналисткой Лариной в этой фразе (вариант: *«Это вообще атас, конечно»*), удивительным образом совпадает по глубине

и выразительности с «аналитикой» съезда и связанных с ним событий, которой обогатили отечественную журналистику другие участники концерта.

Нас как зрителей (слушателей, читателей) необыкновенно поразило именно вот это единое и единомыслие почти всех участников (согласитесь, не так часто свойственное нашим СМИ): большинство ~~визжало и ело~~ высказывалось очень громко, эмоционально и определённо — но... как-то безотносительно к содержанию события. Практически никого не интересовало (и об этом мало упоминали, в основном для проформы), что же произошло на нашем съезде, что этому предшествовало, что за этим последует, чего съезд хотел добиться и чего добился... Вместо этого все говорили о своём — о том, что им показалось, привиделось, подумалось, приду-

малось...

Более всего это напоминало групповое прохождение проективного теста. Среди методов исследования личности в психологии есть так называемый проективный метод. *«Проективный метод (от лат. projectio — выбрасывание вперёд) характеризуется созданием экспериментальной ситуации, допускающей множественность возможных интерпретаций при восприятии её испытуемыми. За каждой такой интерпретацией вырисовывается уникальная система личностных смыслов и особенностей когнитивного стиля субъекта. Метод обеспечивается совокупностью проективных методик (называемых также проективными тестами), среди которых различают: ассоциативные (например, тест Роршаха,*

тест Хольцмана, в которых испытуемые создают образы по стимулам — пятнам; тест завершения неоконченных предложений); интерпретационные (например, тематический апперцепционный текст, в котором требуется истолковать социальную ситуацию, изображённую на картине); экспрессивные (психодрама, тест рисунка человека, тест рисунка несуществующего животного) и др. Проективные методики обладают значительными возможностями в исследовании индивидуальности...» Так вот, исполнители концерта очень напоминали испытуемых, исследуемых с помощью проективного теста, которым стал для них Съезд родителей. Они не могли спокойно воспринять, оценить и проанализировать то, что произошло в реальности, — они могли воспринимать и оценивать

только собственные фантазии, страхи и возжеления, а затем их нервически озвучивать.

Поняв это, мы вспомнили о нашем высшем психологическом образовании, а также о том, что *«проективные методики обладают значительными возможностями в исследовании...»*. И решили эти «значительные возможности» использовать: когда предоставляется такой прекрасный шанс исследовать противника, узнать о нём даже то, что он сам о себе не очень знает, было бы недальновидно этот шанс не использовать, не правда ли? В некотором смысле, это ведь разведка. Трудно воевать, плохо представляя себя противника. А успешные военные действия без разведки практически невозможны. Энциклопедия Кольера определяет разведку как *«комплекс мероприятий по получению и обработке данных о действующем*

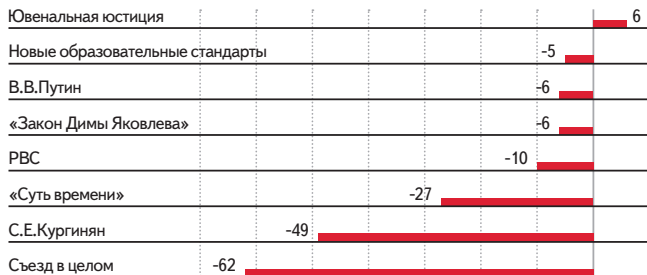
щем или вероятном противнике, его военных ресурсах, боевых возможностях и уязвимости, а также о театре военных действий». В той войне, которая нам предстоит, разведка нужна не меньше, чем в настоящей, классической. Как известно, есть такой метод разведки, как «разведка боем». Ну, а у нас получилась «разведка съездом». И, как оказалось, очень эффективная.

В общем, мы провели контент-анализ публикаций, посвящённых Съезду родителей. Сразу оговорим, что «публикацией» мы считали только относительно большие тексты (не реплики и не комментарии), специально посвящённые Съезду родителей и опубликованные в газетах, в интернет-СМИ, в блогах, в радиопередачах. Таких публикаций оказалось 83.

Сначала был подведён общий «баланс» от-

ношения СМИ (положительного, нейтрального или отрицательного) к Съезду — к его содержательным «трём китам» — ювенальной юстиции, «закону Димы Яковлева» и новым образовательным стандартам, а также к его главным «действующим лицам»: «Сути времени», РВС, С.Е.Кургиняну и В.В.Путину. Получилось вот что:

(Оценка)



Необходимое отступление и — благодарности.

Хотим особо подчеркнуть, что в дальнейший анализ не попали публикации, авторы которых не присоединились к «концерту», а написали статьи по существу дела. Они не во всём нас поддерживают, а мы не всегда с ними согласны, однако они сделали свою журналистскую работу качественно и профессионально, что вызывает только уважение.

К сожалению, мы не сможем подробно анализировать здесь их статьи — такова уж судьба тех, кто при тестировании показывает «нормальные» результаты: гораздо интереснее и познавательнее с военной и медицинской точки зрения анализировать данные испытуемых с явной патологией. Поэтому мы только поблагодарим авторов «Российской газеты», «Известий», «МК» «Комсомольской правды», газеты «Завтра», интернет-сайтов «Однако», «Русская Народ-

ная Линия», «Pravda.ru», «Подмосковье», «Мнения.ру» — А.Артюха, А.Вассермана, А.Гришина, А.Проханова, А.Юнашева, Б.Клина, В.Лебедева, В.Мараховского, В.Павленко, Д.Терехова, К.Латухину, М.Шевченко, Н.Козлову, С.Сметанину, М.Верного — и вернёмся к нашим... участникам концерта.

Что ж, из диаграммы каждый может видеть, что «в среднем по больнице», положительно наши — в большинстве либеральные — СМИ относятся только к ювенальной юстиции (!). Хотя в целом ювенальную юстицию обсуждали мало, а большинство вообще обошло эту тему стороной, тем не менее, общий баланс — положительный. Что тут скажешь?

Неверно было бы думать, что либеральная общественность настолько ослабела интеллектуально, что не в состоянии прочесть

что-то о ювенальных технологиях и понять, чем они грозят нашим семьям. Скорее дело в том, что эта общественность (и её представители в СМИ) думает, что ювенальная юстиция угрожает только именно нашим — а не их — семьям и детям. Более того, в угрозе нашим с вами детям эта общественность ничего плохого не видит, потому как она нас презирает и ненавидит изо всех сил.

Вот, например, что пишет А.Колесников из «Новой газеты»: *«Родители из «Всероссийского родительского сопротивления» — сопротивляются. Их пытаются бигмаками и кока-колой заокеанские супостаты, у них постоянно кто-то хочет отнять детей, тень ювенальной юстиции накрыла счастливую жизнь ячейки общества, которая за небольшую плату внезапно увеличила показатели рождаемо-*

сти». Чувствуете? Если нет, мы переведем. Автор «Новой газеты» говорит вам: «Это у вас в семье не дети, а показатели рождаемости. Чего так волноваться по поводу ювенальной юстиции? Отнимут у вас детей — и правильно! А вы новых нарожаете — за небольшую плату». Это и есть эффект проективного метода: Колесников вроде хочет сказать что-то о ювенальной юстиции, а получается говорить только о своём, о главном и сокровенном — о том, как он ненавидит и презирает большинство людей, которые живут в «этой стране».

Дальше автор возмущается, что его позиция — а он ведь тоже родитель! — не была представлена на съезде. И опять полностью раскрывает свою позицию — правда, по совершенно другому вопросу. *«Странное у нас какое-то представительство. Напри-*

мер, меня, простого российского гражданина с обычными (хочется спросить: для кого обычными?) либеральными взглядами, не представляет в российском парламенте вообще никто. При этом я не просил Сергея Ервандовича Кургиняна представлять мои интересы как отца троих детей. Мне совершенно в этом качестве некому «сопротивляться». Разве что самому Сергею Кургиняну и той странной публике, которую собрал Колонный зал». Слышите? Сопротивляться нужно только Кургиняну и людям, которые собрались в Доме Союзов. Которые представляют большинство. То есть угроза для «простого российского гражданина с обычными либеральными взглядами» исходит только и исключительно от Большинства. И ведь не откажешь господину в логике — в чём-то он,

безусловно, прав. Вот только статью он вроде не об этом писал...

«Закон Димы Яковлева» тоже упоминали немногие (примерно одна пятая всех написавших про съезд), но общий баланс оценок всё же отрицательный. Надо отдать должное оппозиционным журналистам: всё-таки они помнят, что совсем недавно, буквально вчера яростно протестовали против «закона Димы Яковлева», и когда сегодня им представили аргументы, от которых просто так не отмахнёшься, они всё же сочли более приличным пока явно не отрешиваться от прежних позиций — это было бы уж совсем как-то беспринципно...

Но былого энтузиазма и уверенности не чувствуется уже. Так, довольно вялые и пустые отговорки в основном. Сказать что-то по существу вопроса решились совсем уж еди-

ницы, и высказывания их были несколько странноваты. Вот, например, В.Панюшкин в «Ведомостях» пишет: *«И точно так же я понимаю, что иностранное усыновление — это позор для нас»*. Казалось бы, всё в порядке, человек думает правильно. Но дальше он прибавляет: *«Но что же делать с сиротами-инвалидами, которых здесь не вылечишь и не воспитаешь?»*. Почему? Что это значит? Кто сказал Панюшкину, что у нас инвалидов нельзя вылечить и воспитать? Помогут ли Панюшкину знания о том, как у нас лечат, усыновляют, воспитывают детей-инвалидов? Или, быть может, его уверенность в невозможности этого не зависит от знаний, да и вообще от реальности? И что делать с тем, что наши сироты, усыновлённые за границей, подвергаются там насилию и издевательствам, а некоторые погибают? Сми-

риться? Панюшкин эти вопросы себе не задаёт. Пока. Но некое безусловное ослабление позиций либеральных СМИ по вопросу о «за-
коне Димы Яковлева» всё-таки произошло. И
в этом тоже — результат Съезда.

А вот новые образовательные стандарты даже либеральным журналистам большей частью не нравятся: хоть их обсуждал, в лучшем случае, только каждый пятый, но в среднем отношение к ним слабо отрицательное. Однако и по этому вопросу многие «испытываемые» высказываются в исключительно «проективном» ключе. То есть совершенно не о том, хороши стандарты или плохи, стоит обязывать школьников читать Эппеля или не стоит. Нет. Они опять всё о том же, своём, заветном... В редакционной статье «Ведомостей» от 11 февраля читаем: *«Владимир Путин становится равен своему «путин-*

скому большинству». Теперь ему приходится не генерировать свою, а поддерживать повестку этого большинства — с соответствующим уровнем компетенции. . .

Субботние слушатели Путина вряд ли подробно знакомы с обычным или экспериментальным курсом литературы и вряд ли специалисты в ювеноальной юстиции. Речь президента показывает, что государство отказалось от предписанной ему Александром Пушкиным роли «единственного европейца», воспитывающего и облагораживающего косные народные массы. Чтобы оседлать поднявшуюся с мая 2012 г. консервативную волну, оно готово тиражировать и подпитывать заблуждения и предрассудки консервативно настроенных обывателей, поддержи-

вать их враждебность в отношении новых культурных, социальных и политических веяний».

Всё вроде ясно как день. Большинство «с соответствующим уровнем компетенции» — не компетентно ни в чём: ни в курсе литературы, ни в ювенальной юстиции. Большинство — это «косные народные массы», требующие воспитания и облагораживания... Большинство — это обыватели с комплектом заблуждений и предрассудков, всегда враждебные в отношении «новых культурных, социальных и политических веяний» (вероятно, имеются в виду новые стандарты по литературе, выставки Гельмана, ювенальные технологии и раздел России вместе с РПЦ на удельные княжества?). И кто же должен воспитывать это косное, тёмное большинство? А как вы думаете? — мень-

шинство, конечно. Которое, конечно, компетентно во всех вопросах, не имеет предрассудков и всегда открыто всему новому, даже если это новые способы самоубийства. И тут — та-та-там! — меньшинство обнаруживает, что его предали! Кто же? Это государство в лице Путина. Раньше-то Путин был на стороне меньшинства, он «генерировал свою повестку» дня, независимую от чаяний большинства. А теперь — ужас-ужас-ужас! — он вроде переходит на сторону большинства, перестаёт играть в «европейца»... Рятуйте, граждане! Прогрессивное меньшинство остаётся без руководящей роли и поддержки государства! А-а-а-а!

Думаете, мы слегка перебираем? А вот нам так не кажется. Потому что весь этот описываемый нами концерт — это и есть один сплошной крик «А-а-а-а!». И повод к пани-

ке — тоже один: Путин повернулся лицом к Большинству и даже в чём-то его услышал и с ним согласился. Это ли не трагедия для Меньшинства? Которое привыкло чувствовать себя полновластным хозяином в стране, с Большинством не считаться и вытирать об него ноги?

Этот мотив сквозит в большинстве (67%) негативных публикаций о Съезде. Но точнее всего его выразил один из прошлогодних лидеров Болота Сергей Пархоменко, который в 14 часов 42 минуты 9 февраля (то есть когда ещё не закончилась первая половина Съезда) опубликовал на сайте «Эхо Москвы» довольно-таки панический пост, контрапунктом которого была фраза: *«Это они новую «Поклонную гору» устраивают, только гораздо, гораааааздо, большего масштаба. И не одноразовую, а долгоиграющую»*. То

есть прямо проводит аналогию между митингом на Поклонной горе и Съездом в Колонном зале. А что такое был митинг на Поклонной горе? Это было первое за последние годы и пока единственное явление стране Большинства — оказавшееся совершенно неожиданным для меньшинства. Пархоменко усматривает в Съезде родителей нечто подобное Поклонной — то есть опять явление ненавидимого Большинства. И ведь вряд ли он повторяет за С.Е.Кургиняна? — нет, это он сам увидел. Увидел — и испугался. И все они увидели — и испугались. Некоторые — до судорог.

Конечно, они испугались не самого по себе Большинства, которое они презирают, считают быдлом, анчоусами и пр. Они испугались того, что у Большинства появился голос — в лице С.Е.Кургиняна и Движения

«Суть времени», и что к Большинству начала очень медленно, понемногу, но поворачиваться власть — в лице В.В.Путина. Одновременно — в силу физических законов — отворачиваясь от меньшинства. А что может меньшинство без поддержки власти? Вы правильно догадались!

Вот очередной истошный крик: некто Иван Черкасов, представляющийся как «партнёр фонда Hermitage Capital» пишет в блоге на «Эхе Москвы» *«Кургинян — это кричащее внутреннее «я» сегодняшнего Путина. Он высказывает вслух то, что сам Путин пока сказать громко не решается. Но скоро и это пройдёт. Поэтому стоит вслушаться в то, что вещает этот человек, так похожий внешне на Берию»*.

Надеюсь, все понимают, что господин Чер-

касов вряд ли так хорошо знает Путина, чтобы судить о его внутреннем «я». Это и есть проекция — когда свои (в данном случае) страхи человек приписывает другому. Безумный страх этого Черкасова в том, что Путин повернётся к Большинству (а значит, и к Кургиняну). И он этот страх «вешает» на Путина. А уж всплывающая внутри этого кошмара господина Черкасова фигура Л.П.Берии (с намёком на репрессии, естественно) — это, наверное, что-то личное, глубоко интимное из жизни партнёра фонда Hermitage Capital. Но компот получается неплохой: тут тебе и страшный Путин большинства, говорящий через Кургиняна, и Берия с репрессиями... Ужас!

В некотором смысле апофеозом (у нас в школе в таких случаях говорили «апофиге-ем») всей этой истерики может выступать

публикация в Le Monde: «Появление «национального лидера» в Доме Союзов подводит черту под обещанной модернизацией. Отвернувшись от креативного класса, стремящегося к справедливости и свободе, правящая военно-политическая элита сделала ставку на ханжество, замкнутость и ненависть ко всему иностранному». А? То-то и оно!

Вернёмся опять к результатам нашего небольшого контент-аналитического исследования. Следующей по степени неприятия после новых образовательных стандартов в нашем рейтинге идёт РВС. Созданное на Съезде «Родительское Всероссийское Сопротивление» очень мало обсуждается в исследованных публикациях. Наверное, это в какой-то степени оправданно: организация только создана, обсуждать ещё, по сути, нечего. Од-

нако общий баланс-то — отрицательный! Не правда ли, интересно?

Отрицательный баланс складывается потому, что все силы пишущей и комментирующей братии сосредоточены на том, чтобы как можно быстрее и ярче опорочить новую организацию. А как опорочить то, чего ещё нет? Но для креативного класса это не проблема. Ведь для борьбы со смертельным врагом все средства хороши, не правда ли? И нам торжественно открывают «страшную тайну» о родственных связях между лидером «Сути времени» и РВС, нам бесконечно воеют просвещают о том, что родители, собравшиеся на съезде, никого (а точнее, родителей из меньшинства) не представляли... Нам рассказывают высосанные из пальца страшилки про то, что РВС создана, оказывается, для того, чтобы под её прикрытием протащить-таки ювеналь-

ную юстицию. . .

Что ж, всё это может производить на кого-то впечатление, наверное, но только до того момента, как РВС не заработает в полную силу. В конце концов, нам не привыкать — точно так же были и по поводу «Сути времени» два года назад. А сейчас — мы провели Съезд родителей России, который вызвал совершенно реальную панику и истошные вопли в рядах белоленточников и всей либеральной тусовки. Потому что теперь «Суть времени» — сила. Ещё не очень мощная, но уже очень страшная для врагов. Так же будет и с РВС.

Кстати, следующим пунктом в нашем анализе идёт сама «Суть времени». Ой, как её не любят. . . Но рассказать об этом придётся в следующий раз.

Юлия Крижанская, Андрей Сверчков

Социальная война

Семья: от Сталина до перестройки

Сталинская система заложила огромный запас прочности не только для государства (которое разрушают и обворовывают более 20 лет), но и для российской постсоветской семьи

Следующий период семейной государственной политики начался после смерти

Сталина и продолжился вплоть до распада СССР. Государство «смягчает» своё участие в построении и нормировании семейных отношений. И переводит своё участие в новое качество. Речь теперь идёт не о директивном жёстком управлении семейной жизнью («семью строить только так и так, а иначе мы вас накажем!»), а о достаточно деликатной опеке, исходящей из принципа: «Хотелось бы, чтобы вы так-то и так-то строили свою семейную жизнь. Но — вам виднее! Мы теперь исходим из этого!».

В 1954 была снята уголовная ответственность за подпольный аборт (аборт разрешён по медицинским или социальным показаниям). Государство, признавая материнство основной социальной функцией женщин, охраняя и поощряя его, ввело в законодательство следующее положение: *«в целях охраны*

здоровья женщины предоставить ей право самой решать вопрос о материнстве». Но одновременно с разрешением абортів государство через законодательство, предоставление социальных льгот, кампании в газетах, культуру, через формирование общественного мнения поднимало престиж женщины-матери.

Мы уже писали о высоком государственном признании многодетных матерей. В 1944 году впервые в отечественной истории были утверждены орден и звание «Мать-героиня». За советское время орденом было награждено 431 тыс. женщин, родивших и воспитавших 10 и более детей. В постсоветское время орден не вручался. Что означает вовсе не отсутствие матерей-героинь, а отражает отношение государства к такого рода героизму. Также в советское время более 4 млн женщин были

награждены орденом «Материнская слава»,
свыше 10 млн матерей — «Медалью материн-
ства».



Орден «Мать-героиня». Утверждён Указом
Президиума Верховного Совета СССР
от 8 июля 1944 года



Орден «Материнская слава» учреждён
Указом Президиума Верховного Совета
СССР от 8 июля 1944 года



Орден «Материнская слава» учреждён
Указом Президиума Верховного Совета
СССР от 8 июля 1944 года



Орден «Материнская слава» учреждён
Указом Президиума Верховного Совета
СССР от 8 июля 1944 года



Медаль Материнства учреждена Указом
Президиума Верховного Совета СССР
от 8 июля 1944 года



Медаль Материнства учреждена Указом
Президиума Верховного Совета СССР
от 8 июля 1944 года

Такое количество многодетных семей свидетельствовало, прежде всего, о крепости нравственных устоев в советском обществе. И это — невзирая на все предыдущие (начиная с 1917 года) революционные изменения и перегибы в законодательстве о браке, несмотря на огромные тяготы в жизни страны.

Высокие награды подкреплялись государственной материальной поддержкой. Главной привилегией многодетных семей было получение отдельных квартир и выплаты хороших пособий на детей. *«Матерям, которым присвоено звание «Мать-героиня», многодетным семьям, одиноким матерям и семьям при рождении близнецов предоставляется право на первоочередное получение жилого помещения»,* — говорилось в Основях жилищного законодательства СССР.

В 1968 году были приняты Основы законодательства о браке и семье СССР и союзных республик. Новое законодательство упростило процедуру развода (через ЗАГС, при наличии детей — через нарсуд), узаконило аборт по личному решению женщины. Признало право на установление отцовства (и добровольно, и в судебном порядке), регулировало алиментные отношения, подтвердило режим общей собственности для супругов. Советское семейное законодательство провозгласило равные личные и имущественные права для мужа и жены и их равные обязанности перед семьёй, обществом и государством.

При этом закон устанавливал ряд дополнительных прав для женщины-матери. Так, муж не мог возбудить без согласия жены дело о разводе во время беременности жены и

в течение года со дня рождения ребёнка (ст. 14 Основ законодательства о браке и семье). При разводе суд мог выделить супругу, при котором остаются несовершеннолетние дети, большую часть совместно нажитого имущества, и т. д.

В 80-е гг. были реализованы социальные программы для матерей: введены единовременные пособия на ребёнка, частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребёнком до года, производственные льготы для работающих матерей. Далее (вплоть до начала 90-х) был увеличен оплачиваемый до- и послеродовой отпуск (с 56 до 70 дней), увеличен частично оплачиваемый отпуск с 1 года до 1,5 лет, введён отпуск по уходу за ребёнком до 3-х лет. Последний не оплачивался, но при этом не прерывался рабочий стаж и сохранялось рабочее место матери. Был

также осуществлён ряд дополнительных мер по защите материнства: например, матерям с детьми до 1,5 лет предоставлялся дополнительный перерыв для кормления ребёнка, перерыв включался в рабочее время и оплачивался, и др.

Являлись ли эти программы значительным и новым вкладом государства в поддержку материнства и семьи? Безусловно.

Например, США — единственная развитая западная страна, где не предусмотрен оплачиваемый отпуск по беременности и родам. Только в 1993 году возник Закон об отпуске по семейным и медицинским проблемам, согласно которому при выполнении некоторых условий (стажа работы в компании, не менее 50 работающих в ней сотрудников и др.) может быть представлен отпуск до 12 недель. Но без сохранения заработной

платы. В отдельных штатах существуют специальные программы социального страхования. Но государство в целом отнюдь не озабочено здоровьем и восстановлением матери. Может быть, поэтому (в какой-то мере, и в том числе) американские семьи предпочитают не рожать, а усыновлять?

Социальные программы в СССР предназначались в основном, конечно, работающей матери. К началу 90-х годов свыше 90% женщин трудоспособного возраста были заняты в различных секторах экономики. Право на труд женщинами было не только завоёвано, но и закреплено уже как обязанность. Если в начале 20-х годов работающие женщины составляли 27%, в 1940 году — 39%, то в конце 60-х женщины среди работающих составляли 51%.

В 1961 году Президиум Верховного Сове-

та СССР принял указ «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» — против тунеядства. Работой признавалось официальное трудоустройство и учёба в вузе. Лишь домохозяйкам, имеющим детей, разрешалось не работать, в отличие от незамужних и бездетных женщин. В 1970 году статья о тунеядстве была включена в уголовный кодекс РСФСР и просуществовала до 1991 года, до принятия закона «О занятости населения», легализовавшего безработицу.

В СССР семья как важнейший институт советского общества находилась под контролем и патронатом государства и партии. Поддержка материнства была важной социальной, государственной функцией — государство брало на себя ответствен-

Семья: от Сталина до перестройки 182
*ность за воспитание, образование, охрану
здоровья детей.*

В постсоветский период делалось всё для того, чтобы оклеветать высокое качество воспитательной советской системы. Но — увы и ах! — все понимали, что система была прекрасной. А тот, кто этого не понимал в советский период, всё понял на горьком опыте постсоветских реалий.

Бережное и одновременно требовательное отношение к детям в детских яслях, детсадах, школах, ПТУ, пионерлагерях, домах творчества, клубах и дворцах пионеров. Система спортивных детских организаций (от школ олимпийского резерва до дворовых площадок)... Система музыкальных школ и т. д. и т. п. Воистину была выстроена уникальная структура воспитания и развития детей.

И что немаловажно, были созданы усло-

вия для того, чтобы дети выросли здоровыми. Для этого с самого рождения ребёнку оказывалась медицинская помощь (бесплатная, конечно) по месту жительства. Далее, в школах проводилась всеобщая диспансеризация (например, в школу приезжал зубной кабинет и бесплатно проверял зубы всем детям — и, если нужно, лечил их). Диспансеризация проводилась не только в школах, но и в ПТУ, техникумах, ВУЗах. А ещё были профилактории, санатории, базы отдыха и т. д.

Сегодня либероидные форумы полны свидетельств нынешних сорокалетних, прошедших через «ад» советских детсадов. Они с мазохистским ужасом и восторгом признаются, что самое страшное событие в их жизни — это то, как их насильно кормили в детсадах садисты-воспитатели и нянечки. Какое же это было ужасное нарушение их детских

прав! Ведь именно эти и подобные ключевые события их «совкового» детства, по их убеждению, привели к их нынешнему семейному неблагополучию и прочим никак не решаемым личностным проблемам!

Но оставим обвинения избалованных и неблагодарных детей в адрес государства и всей советской системы.

Существует новый — и уже где-то более взрослый — взгляд на советское воспитание и государственную политику в отношении детей и семьи. Вот, например, как пишут на форумах об утерянном советском рае: *«А трудовой лагерь — это совсем не труд. Ведь и правда, мы даже не помним, что делали в первую половину дня — пололи капусту, морковь, по-моему. Ну что для здоровых юнцов стоит подёргать сорняки? Зато всё, что было после обеда и до отбоя, —*

это сильнейшие подростковые переживания, которые расцветчивают жизнь яркими красками и отпечатываются в памяти на долгие годы».

Сравнение никак не в пользу сегодняшнего воспитания подростков. Сегодня подростковые переживания в основном связаны с виртуальным и крайне небезопасным для них и их близких миром интернета. Про телевидение с непотопляемым «Домом-2» в качестве идеала для подростков я и не говорю. К чему они готовят ребёнка? Отнюдь не к способности встречать трудности и их преодолевать. Готовят они, прежде всего, к инфантильному потребительскому восприятию мира. В конечном счёте, к рабству и зависимости (от вещей, навязываемых стандартов потребления, гламура, разврата и т. д.)

Никак нельзя отрицать (это не только

цифры, это помнят жившие в советское время): дети СССР были в основном здоровы. Являлось ли это заслугой государства, выстроившего ответственную политику поддержки семьи и детства? Безусловно, да.

Сейчас же здоровые дети — всё более редкое явление. Среди детей СССР не было такого количества малолетних алкоголиков, токсикоманов, наркоманов, проституток, садистов, избивающих учителей и сверстников под видеозапись. Всего того, чем «славится» сегодняшняя Россия. В СССР у детей с нормативностью поведения было в основном в порядке. У них не было компьютеров и айфонов, но был выбор в занятиях, которые их учили, развивали, воспитывали, а не дебилизировали. Была ли это заслуга советского государства? Да.

22.01.2013 сообщила статистику гибели несовершеннолетних жителей Прикамья за прошедший год. Оказалось, что из 517 погибших детей 432 ребёнка умерли (от управляемых или неуправляемых причин) в семьях, в которых не проявлялись признаки неблагополучия. И лишь 3,1% умерших детей были из семей, находящихся в опасном положении и состоявших на учёте.

Что это означает? Враждебность окружающей среды для детей? Некомпетентность и безразличие родителей? Не это ли неназываемые, но очевидные глубинные причины болезни постсоветского российского общества? Причины, которые нам придётся выявлять, объяснять и, в конечном счёте, уничтожать, чтобы страна и, прежде всего, семья — жила.

В нескольких предыдущих статьях мы лишь прикоснулись к проблеме семейного

строительства советского периода. И что же оказалось? Оказалось, что модель государства и модель семьи теснейшим образом связаны между собой («семья — ячейка общества»). Поэтому либеральные веяния, пришедшие после смерти Сталина, меняли как саму государственную систему, так и её семейную политику. Поэтому последняя при всех уникальных достижениях сталинской системы не могла остаться прежней. Одновременно оказалось, что сталинская система заложила огромный запас прочности не только для государства (которое разрушают и обворовывают более 20 лет), но и для российской постсоветской семьи.

Она вышла из традиционной российской семьи, переплавлялась в буднях советских строек и в ходе страшной войны, защитившей новое советское государство. Она смог-

ла (конечно, с огромными материальными и духовными потерями) выжить в перестройку, в лихие 90-е, в лживые двухтысячные. И сегодня оказалась один на один с новым врагом — ювенальной юстицией и с теми, кто за ней стоит. Ювенальный враг нацелен исключительно на уничтожение нашей семьи, а поскольку нет государственной защиты, то ей придётся сражаться самой. И победить.

Вера Сорокина

Война с историей

Клуб господ

Важной ставкой в ведущейся против России игре является дестабилизация юга России путём «раскачки» наиболее близкого украинскому кубанского казачества

Политическим «отцом» нацизма в Германии был крупный капитал, создававший элитные клубы в целях управления массами. Клубы пережили войну и сохранились по сей день. Не всегда связь между структурами бы-

ла прямой и безусловной, но элитные связи долго живут и полностью никогда не исчезают. Рассмотрим этапы реализации антикоммунистического элитного проекта.

Первый этап: базовая элитная структура.

В 1918 г. немецкий аристократ Генрих фон Гляйхен-Русвурм создал «Объединение национальной и социальной солидарности», ставшее первой структурой основанного им «движения Кольца». Это был клуб по образцу английских политических клубов, призванный сформировать элитную организацию будущих лидеров Германии. Члены клуба, называя себя «солидаристами» и подчёркивая значимость социальных реформ (что было модно в присущей времени революционной

ситуации), налаживали контакты с христианскими профсоюзами. Но при этом ни сам фон Гляйхен-Русвурм, ни его друзья отнюдь не имели в виду никакого социального равенства. Одной из основных скрепляющих идей клуба был антикоммунизм.

Второй этап: бизнес-фонд, обеспечивавший элитную структуру.

В том же 1918 г. член «Кольца» Эдуард Штадлер основал «Антибольшевистскую лигу». Лига эта заработала, согласно мемуарам Штадлера, после 10 января 1919 г., когда с подачи директора «Дойче банка» Пауля Манкивица состоялась встреча 50 крупных промышленников, банкиров и предпринимателей Германии. На этой встрече представители экономических кругов пожертвовали

500 миллионов марок в антибольшевистский фонд, и далее вносили деньги регулярно. Активное участие в организации фонда приняли промышленный король Германии Гуго Стиннес, глава объединения сталелитейных заводов Альберт Фёглер и др.

Третий этап: «Немецкий клуб господ».

В том же году всё тот же Штадлер участвует в создании в рамках «Кольца» организации со скромным названием «Июньский клуб», переименованной в 1924 г. в «Немецкий клуб господ». «Немецкий клуб господ» сыграет важную роль в фашизации Германии. Его членами были вожди «Антибольшевистской лиги», а также будущий рейхсканцлер Франц фон Папен. После прихода Гитле-

ра к власти предприятия наследника Стиннеса (сам Гуго в 1924 г. умер), а также Альберта Фёглера (заделавшегося рьяным нацистом) и других членов «Антибольшевистской лиги» станут опорами Третьего рейха.

Четвёртый этап: консолидация во время войны «порабощённых народов».

Начавшееся со Сталинградской битвы отступление немцев на Восточном фронте заставило антикоммунистов сплотить ряды. 21–22 ноября 1943 г. по инициативе палачей и коллаборационистов из бандеровской Организации украинских националистов (ОУН) на Ровеньщине была проведена тайная Конференция порабощённых народов Востока Европа и Азии. На этой конферен-

ции представители различных народностей СССР, входивших в Украинскую повстанческую армию (УПА), постановили вести совместную подрывную деятельность против «общего врага» — «русского коммунизма».

Пятый этап: оформление новых структур в послевоенный период.

После разгрома Третьего рейха созданные во время войны антикоммунистические структуры принялись настойчиво проводить в жизнь свою политику. 16 апреля 1946 г. в Мюнхене был создан «Антибольшевистский блок народов» (АБН), в который вошли представители советских, восточноевропейских и балканских эмигрантов. В 1967 г. АБН вошёл в состав «Всемирной антикоммунистической лиги» (ВАКЛ) с центром на Тайване.

Президентом АБН в 1946–1986 гг. был проживавший в Мюнхене бандеровский каратель Ярослав Стецько, а в 1986–1996 гг. — его жена Слава Стецько.

Следует отметить, что западногерманские промышленники после разгрома Гитлера не забывали старых друзей. Так, оберфюрер СС Эрих Гритцбах, личный референт Геринга, до 1953 г. был на руководящей должности в концерне Стиннеса. В концерне Стиннеса же занимал высокооплачиваемую должность юрисконсульта «Палач Дании» Вернер Бест. Штандартенфюрер СС Иоахим Пайпер, разрушивший, будучи командиром танкового полка дивизии «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», итальянское селение Бове, в 1957 г. занял руководящий пост на заводах Порше (поставлявших Гитлеру танки, в том числе «Тигры»).

Шестой этап: успехи в США и Евросоюзе.

Антибольшевистская сеть активно работала в США, где эмигрантом-украинцем Л. Добрянским был основан американский «Национальный комитет порабощённых народов». С подачи этого комитета Конгресс США принял в 1959 г. призывающий к освобождению от коммунизма «Закон о порабощённых народах». Членом «Национального комитета» была будущая жена президента Украины В. Ющенко Кэтрин Чумаченко.

Конференция ВАКЛ 20–23 сентября 1983 г. в Люксембурге в здании Европарламента собрала весь антикоммунистический «бомонд»: тут были супруги Стецько, Теодор Оберлендер (бывший командующий украинского батальона «Нахтигаль», от-

ветственный, как и Стецько, за зверские погромы евреев и поляков во Львове), Роман Зварыч (секретарь Стецько, ставший позже министром юстиции при Ющенко), Кэтрин Чумаченко.

Седьмой этап: на постсоветском пространстве. Украинский полигон.

После развала СССР в 1992 г. Слава Стецько создала на Украине из подконтрольного ей ОУН «Конгресс украинских националистов» (КУН). На первых же выборах в «незалежной» в 1994 г. КУН вошёл в Верховную Раду. А в 2002 г. КУН в составе ющенковского партийного блока «Наша Украина» одержал победу на выборах. Сама Слава являлась депутатом Рады с 1997 г., в 1998 г. она открыва-

ла в качестве старейшего депутата заседание новоизбранного парламента.

На первых выборах 1994 г. в «незалеж-ной» в парламент прошли депутаты и от партии «Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона» (УНА-УНСО), возглавляемой сыном Р. Шухевича Юрием.

При этом боевое крыло партии УНСО во главе с Дмитрием Корчинским воевало против России в различных горячих точках, таких как Чечня, Южная Осетия 2008 г. и пр. Одной из заявляемых целей УНА-УНСО было и остаётся воссоединение с «украинскими землями» — Белгородчиной, Доном и Кубанью. Что есть прямой призыв к развалу России.

Вместе с уходом Ющенко в 2010 г., бандеровцы не ушли с ключевых политических

постов Украины, сохранив свои позиции, в том числе, в аппарате Януковича (пример его пресс-секретаря Анны Герман мы уже рассматривали в газете).

Парламентские выборы 28 октября 2012 г. ознаменовали собой значимый прорыв ещё одной бандеровской партии — «Свободы» Олега Тягнибока (прежнее пронацистское название — «Социал-национальная партия Украины»). «Свобода» впервые за время своего существования набрала 10,44% и вошла в Верховную Раду.

Нынче делегаты «Свободы» развязали подлинную битву против изъятия министром образования Украины Д. Табачником определения Бандеры и Шухевича как героев, а Голодомора как геноцида из нового украинского учебника истории, а также из экзаменационных тестов. «Свободовцы» призывают

народ отвергнуть новые учебники Табачника, проклинаемого как носителя *«советско-рабского мировоззрения»*. Но чем бы ни окончилась битва, системная война прорусскими силами на Украине уже проиграна.

Правительство Януковича в своём стремлении балансировать между Востоком и Западом Украины оказалось не готово кардинально пересмотреть доминирующую на протяжении уже более чем двадцати лет «самостийную» концепцию украинской истории. Окончательно ясно это стало после отказа 5 февраля 2013 г. Высшего административного суда Украины отменить указ В. Ющенко о героизации Бандеры и Шухевича (что было одним из предвыборных обещаний Януковича).

Весьма внимательно за украинским процессом следят российские нацдемы. И не

только следят. Непосредственно накануне выборов на Украине начались русско-украинские сепаратистские провокации.

Восьмой этап: на территории России. Русский опытный отсек украинского полигона.

8 октября 2012 г. московский адвокат Евгений Архипов заявил о намерении провести к июню 2013 г. референдум о создании независимой от Москвы «Руськой Демократической Республики» (РДР) в районе Перемышля (Домодедово). Архипов также предложил присвоить аэропорту «Домодедово» имя Степана Бандеры.

Идея Архипова о создании «Руськой Демократической Республики» была от-рекламирована в ЖЖ сопредседателем

Национально-Демократического Альянса (НДА) А. Широпаевым и поддержана в том же ЖЖ другим сопредседателем НДА И. Лазаренко.

После успеха «Свободы» Тягнибока на украинских выборах уже весь Координационный совет НДА направил последнему поздравление с рекомендацией «на государственном уровне окончательно преодолеть советскую политическую мифологию».

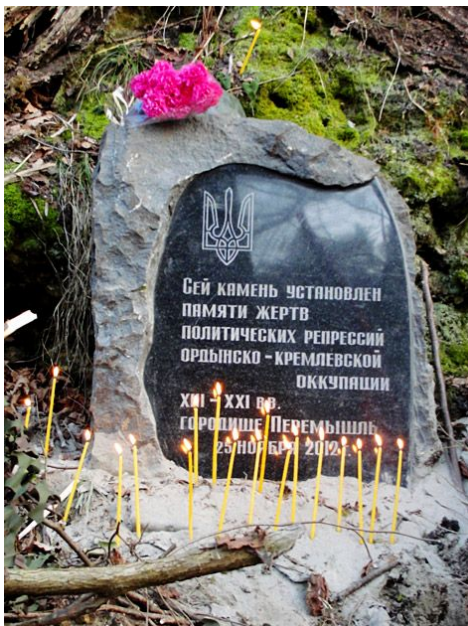
Но всё это оказалось лишь политической «разминкой».

6 декабря всё тот же «домодедовский» Архипов заявил о начале борьбы за воссоединение «Соборной Украины» в границах «от польской реки Сан до Сахалина», со столицей в Киеве. По утверждению Архипова, объявившего себя «председателем партии «Соборная Украина», «современная Украи-

на утратила более 70% этнических земель, из которых более 2/3 находятся на территории России». Воссоединённая же «Соборная Украина» (она же «Руськая Демократическая Республика»), по изложенному Архиповым плану, должна состоять из 20 территориальных единиц: Киевская Русь, Белая Русь, Залесская Русь, Казацкая Русь, Кавказская Русь, Байкальская Русь, Дальневосточная Русь и пр.



Карта «Руськой Демократической
Республики»



Установленный Архиповым в Домодедово
камень «Памяти жертв
ордынско-кремлёвской оккупации». С сайта
rusadvocat.com

Идею образования «Руськой Демократической Республики» поддержала УНА-УНСО и её бывший лидер, а ныне глава партии «Братство» Дмитрий Корчинский.

В конце января этого года «Соборная Украина» и «Братство» стали организаторами посвящённых «Дню Соборности Украины» акций на Кубани, в ставропольском Невинномыске, Воронеже и Брянске. Со специальным обращением к участникам акций выступил духовный вождь УНА-УНСО Юрий Шухевич.

В Невинномыске, где обстановка в этот момент накалилась после убийства гражданина России мигрантом, была осуществлена попытка провокации казаков на националистические выступления. Лидеры «Соборной Украины» заявили о намерении прибыть в Невинномыск, дабы «защитить от уни-

чтожения» славянское население Кубани и Ставрополя, которое якобы хочет объединиться с Украиной. Утверждалось, что отправившись из Керчи на пароме, украинцы совершат историческую «высадку на Кубани». И действительно, в Невинномысске российскими правоохранительными органами были задержаны два члена УНА-УНСО.

У этой русско-украинской «домодедовско-кубанской» густой провокации — густой же белоленточный «запах». Ибо Архипов по совместительству — известный адвокат «Другой России», защищающий активистов Болотной площади (в своё время он же защищал активистов Манежной). Архипов был, в частности, адвокатом Александра Долматова, покончившего с собой 17 января в голландском Роттердаме после отказа в получении политического убежища. Именно Архипов заявил

о гибели Долматова, а сегодня проводит в его память акции — что характерно, в Киеве.

Не менее показательна фигура другого лидера «Соборной Украины» — Д. Чернова, члена «Союза славян» Минеральных вод, одного из организаторов беспорядков в Невинномысске. Чернов до сих пор был известен как организатор митингов «За честные выборы», кандидат в члены Координационного совета белоленточной оппозиции и организатор автопробега по Ставрополью «Белый поток». А ещё на прошедших в октябре 2012 года выборах в Саратовскую областную думу Чернов был начальником штаба А. Лукьянова, кандидата от немцовско-каस्याновской РПР-ПАРНАС. Кроме того, Чернов — автор книги «Методы работы с толпой», характеризующей его больше как последователя идеолога оранжевых революций Джина Шарпа, неже-

ли низового «бойца за свободу славян».

Грузинско-американский «запах» в указанных начинаниях также весьма ощутим. Архипов — глава «Ассоциации адвокатов России за права человека». В этой созданной им Ассоциации пока значится всего 17 человек, а также одна региональная дочерняя организация с аналогичным названием: «Ассоциация адвокатов Республики Северная Осетия — Алания за права человека». Осетинская «Ассоциация» была создана в 2009 г. адвокатом Д. Габачиевым, сопредседателем «Грузино-осетинского гражданского форума». Форум этот — детище бывшего члена Комиссии по конфликтам парламента Грузии Т. Якобашвили. Встречи форума начали проводиться после августовской войны 2008 г. и проводятся по сей день в интересах Грузии. Габачиев также поддержал учреждённое Саа-

кашвили в 2007 г. «альтернативное правительство» Южной Осетии. По мнению осетинской стороны, и форум, и «правительство» создавались при содействии «Фонда стратегических и международных исследований Грузии» Т. Якобашвили, бывшего министра Грузии по вопросам реинтеграции. Характерно, что Якобашвили обучался в Йельском университете по той же программе подготовки лидеров, что и Навальный. И что длиннейший список западных государственных и частных доноров его фонда открывается Госдепом США.

«Домодедовско-кубанские игрища» — лишь часть ведущейся против России игры. Важной ставкой в этой игре на настоящий момент является дестабилизация юга России путём «раскачки» наиболее близкого украинскому кубанского казачества. Это — в

чистом виде концепция УНА-УНСО, которая и пытается сегодня порезвиться на Кубани.

За спиной же УНА-УНСО стоит совокупный субъект, уже однажды разваливший нашу страну в 1991 г. — ненавидящий не только коммунизм, но и любое понятие о равенстве, высокомерный и омерзительный западный Клуб господ.

Ирина Кургинян

Мироустроительная война

Сирийский колокол — 3

Смутное опасение, что международная интервенция, даже опрокинув режим в Дамаске, приведёт к развязыванию мировой войны, пока что ещё вызывает торможение на Западе

С начала 2013 года и на Ближнем Востоке, и на Западе с новой силой началось на-

пряжённое обсуждение вопроса о том, состоится или нет международная интервенция в Сирию.

В середине января к международной интервенции в очередной раз призвал Катар, который уже давно стоит на этой позиции. Одновременно по государственному ТВ Сирии были показаны спутниковые снимки моделей президентского дворца в Дамаске. Модели построены в Дохе, столице Катара, и предназначены для отработки штурма сирийского оригинала.

Президент Сирии Башар Асад, судя по всему, относится к такой перспективе серьёзно и, по сообщениям иранских СМИ, отдал приказ: в случае его ликвидации — нанести удар по американским и израильским целям в Средиземном и на Красном море.

К этому времени казалось, что решитель-

ные действия международных сил в Сирии уже близки и неминуемы. Однако затем Дамаск получил настолько сосредоточенную дипломатическую поддержку от Ирана, что это не могло не сыграть роли в некотором изменении отношения на Западе к сирийской проблеме.

15 января 2013 года в Тегеране прошли сирийско-иранские переговоры на уровне премьер-министров, посвящённые *«иранской помощи Дамаску, противостоящему террористической агрессии»*. При этом участники переговоров подчёркивали намерение Тегерана и Дамаска *«объединить свои потенциалы в противодействии экономической блокаде»*.

17 января первый вице-президент Ирана Мохаммад Реза Рахими заявил по итогам переговоров, что Иран *«не пожалеет усилий*

для оказания ВСЕХ (выделено нами — М.П.) форм поддержки народу и правительству Сирии, противостоящим террористическому заговору».

Ещё во время переговоров, 16 января, официальный представитель госдепартамента США Виктория Нуланд заявила о том, что США не имеют данных о применении правительством Сирии химического оружия против мирных жителей в Хомсе в декабре прошлого года. Таким образом, США дали понять, что на текущий момент не считают возможным использовать в Сирии химическое оружие как повод для вторжения, печально известный по Ираку.

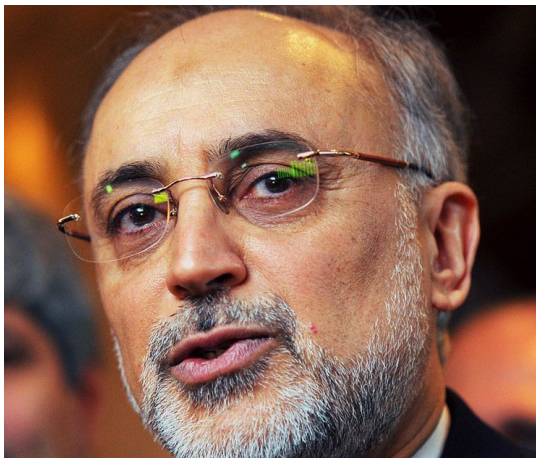
Дальнейшие события обозначают, по меньшей мере, одну из причин такой американской (и не только американской) осторожности.

21 января 2013 года прозвучало новое выступление Ирана в поддержку Дамаска. Советник иранского духовного лидера аятоллы Хаменеи — Али Акбар Велаяти — объявил в интервью ливанскому телевидению: *«Мы верим в то, что должны произойти реформы, порождённые волей сирийского народа, но без того, чтобы люди, требующие реформ, прибегали к насилию или помощи Америки».*



Али Акбар Велаяти, советник аятоллы Хаменеи, бывший министр иностранных дел Ирана, Генеральный секретарь Всемирной ассамблеи Исламского пробуждения. Фото с сайта gdb.rferl.org

Эту позицию Иран настойчиво демонстрирует с конца прошлого года, когда иранский министр иностранных дел Али Акбар Салехи объявил, что *«Иран не допустит навязывания Сирии иностранных западных решений»*.



Али Акбар Салехи, министр иностранных дел Ирана. Фото с сайта vosizneias.com

Теперь, уже 26 января, Велаяти высказался ещё более жёстко: *«Сирия играет самую основную и ключевую роль в регионе для продвижения крепкой политики сопротивления. Поэтому нападение на Сирию рассматривалось бы как нападение на Иран и иранских союзников».*

Тем временем процесс оформления сирийской оппозиции тоже переживает не лучшие дни.

В конце января в Стамбуле проходили переговоры представителей проамериканского сирийского объединения «Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил». В результате этих переговоров лидерам сирийской оппозиции не удалось решить главную задачу: сформировать переходное правительство Сирии не позволили разногласия.

Помимо этого, 28 января в Париже прошла конференция сирийской оппозиции, с участием 50 стран и международных организаций. Эта конференция, как утверждают, тоже не принесла результатов. На ней сирийская коалиция не сумела пока убедить собравшихся представителей снабдить её деньгами и оружием в достаточном для решительных действий объёме. И причина этого понятна: ранее президент Франции Олланд уже указывал на то, что необходимым условием широкомасштабной помощи сирийской оппозиции является формирование переходного сирийского правительства. А именно этого достичь всё ещё не удаётся.

Позднее эта картина дополнилась описанием того явного разочарования, которое вызывает в среде сирийских оппозиционеров общение с представителями американских спец-

служб. В феврале об этом написало издание The Daily Beast. Этот популярнейший американский ресурс опубликовал статью под названием «ЦРУ обмануло сирийских повстанцев?», в которой приведены высказывания представителей сирийской оппозиции об отношении к США.

Основным предметом обсуждения в статье являются встречи представителей сирийской оппозиции с сотрудниками ЦРУ в турецком городе Газиантеп, проходившие в середине прошлого года и организованные перебежчиком Фирасом Тласом, членом семьи влиятельнейших сирийских финансистов. Ирония в том, что семья Тласов десятилетиями была чрезвычайно близка семье Асадов, занимала высокие посты и обладала значительным влиянием в Сирии. Став перебежчиком, Фирас Тлас пообещал использо-

вать свои немалые финансовые средства на «сирийскую революцию». После побега он организовал вышеупомянутые встречи представителей вооружённой оппозиции с сотрудниками ЦРУ, на которых давались обещания «помощи повстанцам» — вплоть до военной поддержки в случае результативности их действий. К январю 2013 года Тлас пришёл к заключению, что все даваемые ЦРУ обещания были пустыми. В связи с этим в феврале 2013 года в разговоре с корреспондентом The Daily Beast Тлас высказал мнение о том, что, по-видимому, задача США состоит не столько в свержении Асада, сколько в том, чтобы война в Сирии продолжалась. То есть — реализовывалась та самая стратегия хаоса, о которой мы говорим, обсуждая мироустроительные войны на Ближнем Востоке.

Помимо этого, The Daily Beast приводит

также оценку Салмана Шейха, директора Центра Брукингса в Дохе, который сказал изданию об обещаниях ЦРУ сирийской оппозиции: *«Было много невыполненных обещаний. Уровень раздражения и недоверия за предельный. И я не уверен, что это можно будет исправить».*

Третья оценка, приведённая The Daily Beast, принадлежит оружейному контрабандисту, переправлявшему оружие сирийской оппозиции: *«Они дают нам 10 пуль, чтобы, когда они у нас закончатся, мы пришли за новыми. Если бы они дали нам 20, то мы могли бы продвинуться, но они не хотят этого. Они просто хотят уравновесить власть режима».*

Это сформировавшееся за последние месяцы низовое впечатление о планировании затяжной войны получило в конце января свое-

образное подтверждение из уст президента США.

27 января вышло интервью Барака Обамы журналу The New Republic, где американский президент высказывается осторожно: *«В такой ситуации, как в Сирии, я должен спросить: можем ли мы что-то изменить? Не приведёт ли это к ещё большему насилию или применению химического оружия?»*

Понятно, что такое напутствие не вызывает энтузиазма у действующих и потенциальных спонсоров сирийской оппозиции. А Обама к тому же добавил: *«Мы не питаем никаких иллюзий. Грядут тяжёлые дни. Но абсолютно ясно, что режим продолжает слабеть и теряет контроль над страной».*

Сразу после этого выяснилось, что иллю-

зий не питает не один американский президент. И что впечатление о затяжном характере сирийского конфликта складывается не только в среде сирийских боевиков, но и во вполне рафинированных кругах на Западе.

2 февраля на страницах германской «Ди Вельт» появилась статья «Сирия и Египет на пути к «несостоявшемуся государству». Автор статьи Рихард Херцингер упрекает Запад в неготовности помочь сирийской оппозиции и так определяет сегодняшнее состояние Ближнего Востока: *«Насилие, хаос и новое угнетение определяют теперь лицо «арабской весны», на которую Запад возлагал сначала столь большие надежды, следуя ложной аналогии с мирными революциями в Восточной Европе 1989–1990 годов. ... Границы государств Ближнего Востока всё ещё соответствуют предни-*

саниям, навязанным после Первой мировой войны Версальским договором. Большой частью «военные деспотии», последовавшие за деколонизацией арабского мира, не дали своим народам подлинной политической и культурной идентичности.

Сейчас, когда рушатся тиранические режимы, начинают проявляться скрытые и долго ждавшие своего часа этнические и религиозно-сектантские противоречия. Застрявший на этой взрывоопасной чересполосице арабский мир стоит перед задачей достижения нового общественного договора, который позволит найти возможность присоединиться к миру глобального Модерна. Но такой объединяющей главной идеи для подобного договора не существует».

Как не существует? Она есть. Просто это радикально-исламистская идея построения халифата, которая вас не устраивает. Или, точнее, кого-то из вас устраивает. Но тех, кого это не устраивает, устраивает хаос. Так что всё в порядке. Налицо конфликт двух мироустроительных моделей. Как говорят в таких случаях, что и требовалось доказать.

Общий вывод Херцингера таков: *«В среднесрочной перспективе нам следует распрощаться с иллюзиями относительно «арабской весны».*

Что имеется в виду под иллюзиями? На поверхности лежит ответ, что речь идёт об иллюзиях по поводу быстрого демократического преобразования в регионе. Но за этим западным штампом всё более явно прослеживается и другое понимание: не исключено, что Запад отказывается от иллюзий по пово-

ду того, что сменить сирийский режим и вообще замкнуть весь контур ближневосточных переворотов удастся без большой войны. Такой войны, которую уже можно будет без образных выражений и преувеличений назвать мировой. И которую не удастся долго удерживать в рамках ближневосточного региона. Ведь именно на эту перспективу указывают заявления иранских официальных лиц. И на Западе это было, очевидно, услышано. Во всяком случае, пока что там взяли тайм-аут.

2 февраля 2013 года министр обороны Германии Томас де Мезьер, выступая на Мюнхенской конференции по безопасности, выразил сомнение в возможности проведения в Сирии международной миротворческой операции. И указал на невозможность «одностороннего вторжения» в Сирию без решения Совета безопасности ООН.

Де Мезьер заявил также, что интервенция в Сирию не принесла бы результата даже в том случае, если бы была легитимной. При этом для серьёзного успеха, по его словам, потребовалось бы ввести более 100 тысяч солдат. Вообще же германский министр обороны определил военное вмешательство в сирийский конфликт как «весьма затратное» и «чертовски сложное». И заключил, что, по его мнению, гражданская война в Сирии продлится долго.

Интересно, что ещё через несколько дней на сходную позицию встал генсек НАТО Андерс Фог Расмуссен, который заявил 11 февраля в интервью брюссельской интернет-газете EUobserver: *«Моё твёрдое убеждение, что любое иностранное военное вмешательство будет иметь непредсказуемые последствия, потому что сирий-*

ское общество очень сложное политически, этнически, религиозно и в региональном контексте».

А что означает это самое «в региональном контексте»? Да то и означает, что Дамаск, судя по всему, не остаётся без союзников, как остался без них Триполи при Каддафи.

И это не только Иран. В начале февраля сирийский министр иностранных дел Фейсал Аль-Мекдад встречался в Пекине с главой МИД КНР Чжаном Чжицзюнем, которого благодарил за помощь Китая в сопротивлении возможности международного военного вмешательства в дела Сирии.

В последнее время на Западе любят ссылаться на то, что ПВО Сирии гораздо серьезнее того, чем располагала уничтоженная западной коалицией Ливийская Джамахирия. При этом не договаривают, что ведь и Му-

аммар Каддафи никогда не имел того уровня поддержки в арабском мире, который сейчас получает в Иране Башар Асад. Вдобавок, в период войны в Ливии Россия не оказала Триполи поддержки. В случае с Сирией ситуация несколько иная. Российский МИД месяцами сопротивляется американскому давлению по сирийскому вопросу, не желая способствовать падению Дамаска. А президент Сирии Башар Асад с присущей ему резкой откровенностью уже сказал о том, что Россия при этом защищает не Сирию, а себя.

Итак, появляется смутное опасение, что международная интервенция, даже опрокинув режим в Дамаске, приведёт также и к развязыванию мировой войны. И это опасение пока что ещё вызывает торможение на Западе. Такая цена за мироустроительный передел на Ближнем Востоке для Запада всё

ещё слишком высока. Конечно, скорее всего, это остановка временная. Но что-то в этой машине западного давления вдруг замерло и ждёт. Чего? Об этом — в следующих статьях.

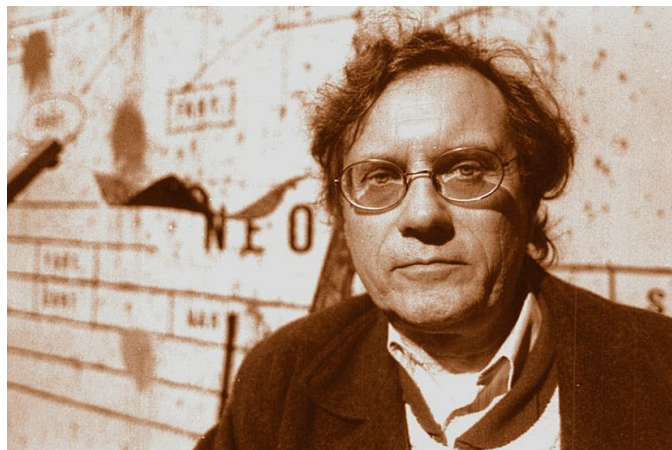
Мария Подкопаева

Концептуальная война

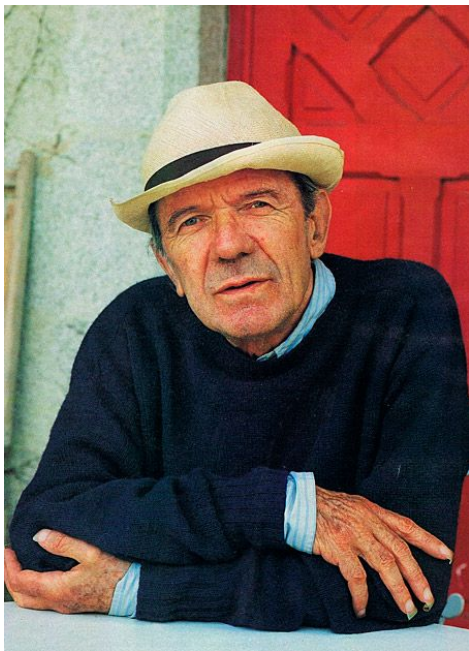
Концептуализация Не-Бытия. Концепты постмодернизма

Часть V. Неукоренённость.
Номадология и ризома — 1

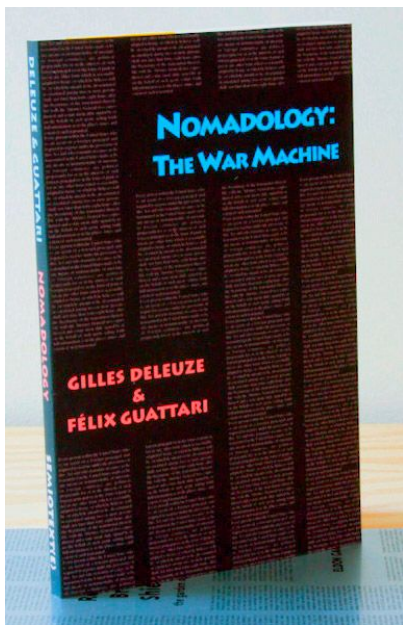
В неклассическом мире ты должен угадать незыбкое в том, что ты встретил. Соединить его с тем незыбким, что есть в тебе. И на всё это обрётённое незыбкое опереться



Жиль Делёз (1924–1995). Фото:
H.Bamberger/Gamma, с сайта
noise-admiration.blogspot.ru



Жиль Делёз (1924–1995). Фото:
Н. Bamberger/Gamma, с сайта
noise-admiration.blogspot.ru



Что делает человек, которого уже совсем «достала» бессмысленность окружающего пространства симуляции и который боится и не хочет окончательно утонуть в вир-

туальном? Он отправляется в странствие. То есть бежит от симуляции «куда глаза глядят» — в надежде, что где-нибудь обретёт подлинную реальность и смысл.

Постмодернизм всячески приветствует этот «синдром бегства». Он решительно заявляет: «Только в бегстве и может быть обрётён хоть какой-то смысл. Беги, милый, беги быстрее и куда угодно. Главное, не останавливайся и не укореняйся».

В разных формах об этом писали многие постмодернисты — Мишель Фуко, Ролан Барт, Фредрик Джеймисон и т. д. Но наиболее полно данный концепт развернули Жиль Делёз и Феликс Гваттари. Во втором томе совместного труда «Капитализм и шизофрения» (1980 г.) они посвятили этому концепту введение «Ризома» и большую главу «Трактат о номадологии. Машина войны». А затем раз-

вили концепт в отдельной книге «Номадология».

Номадология — наука о кочевничестве. Кочевник — предмет особого восхищения и главный герой Делёза и Гваттари. Но о нём чуть позже. Здесь же подчеркну, что Делёз и Гваттари заявляют — в отличие от Жана-Франсуа Лиотара — что целостность, в принципе, существует. Но это такая целостность, которая фундаментально отличается от целостности в мироощущении и философской классике премодерна и модерна.

Там, в прошлом, целостность была оперта на метафизику бытия. Метафизика эта всегда адресует к абсолютному. И неважно, как называется это абсолютное. Для религиозного человека его метафизика адресует к богу — вездесущему и всеобъемлющему. Для материалиста абсолютным — всеобъемлющим и

вездесущим — становится материя.

Подчеркну, что, говоря об абсолютном, я не имею в виду Абсолют, находящийся по ту сторону бытия. Я имею в виду то, что только что перечислил. Опирающийся на религиозную метафизику не сомневается в своей возможности опереться на бога. Опирающийся на метафизику материализма не сомневается в своей возможности опереться на материю и на её движение (та абсолютность, которая лежит в основе диалектического материализма).

Такая способность опереться (не отменяемая, а лишь дополняемая философским или научным сомнением) порождала особые структуры бытия. Структуры, вырастающие (в том смысле, который я только что предъявил читателю) из некоего метафизического корня. Группирующиеся (опять же, в том

смысле, который я только что предъявил читателю) вокруг некоего центра. Нанизывающиеся на некий стрежень.

И всё это — вырастание, группировка, нанизывание — подчиняется принципу опоры. Он же — очень специфическая метафизичность бытия. Метафизичность как опора и опора как метафизичность. Вот в чём специфика классической целостности и классического смысла.

Базовая метафора классической философии, из которой проистекает возможность опираться и опереться, — это Ось Бытия, она же Ось Мира, она же Древо. Этой метафорой «пропитана» вся классическая метафизика, онтология, гносеология: Древо мира, Древо жизни, Древо познания добра и зла, и так далее. В философской (и опёртой на неё научной) классике действует «генетически обу-

словленное» развитие реальности от метафизического и онтологического центра, стержня, корня. Развитие и осмысление реальности идут от корня к стволу, от ствола к ветвям, от ветвей к веточкам, от веточек к листьям, и т.п. И у всех явлений и событий есть причины. Корень — причина ствола, ствол — причина ветви, и так далее. А листья — следствия ветвей и веточек.

Всё это — забудьте, говорят Делёз и Гваттари. На самом деле целостность — другая. Она не имеет никаких устойчивых корней, центров, стержней: *«Мир потерял свой стержень»* — заявляют они. А новая целостность — это «ризомат».

Ризома, которую Делёз и Гваттари представляют в качестве единственной реальности и новой целостности, — это нечто вроде грибницы, в которой никакого главного корня и

его «древовидных» порождений нет. Это такое состояние, в котором «корешки» случайно и непредсказуемо прорастают в любых местах и направлениях и столь же непредсказуемо исчезают.

Почему случайно и непредсказуемо? Потому, пишут Делёз и Гваттари, что *«ризоматический процесс — это нелинейный процесс, весь состоящий из мгновенных и случайных «ветвлений» в любом направлении»*. То есть, отрицающий какие-либо связи, ведущие от причин к следствиям.

В ризоме всё происходит на поверхности, не затрагивая никакую глубину. В ней нет структур с их устойчивыми центрами и связями (вспомним «децентрирование» у Дерриды). В ней есть лишь случайно и на мгновение возникающие в любом месте и в любое время квазиструктурности. Которые ли-

бо быстро исчезают вообще, либо непрерывно движутся по поверхности ризомы по «линиям ускользания».

Но и линии ускользания в этом концепте — вовсе не какой-то «связующий каркас» ризоморфной реальности. Её целостность, по Делёзу и Гваттари, заключается в том, что линии ускользания случайным образом и на краткий миг связывают между собой любые точки ризомы. В этом смысле целостность ризомы (в отличие от классики структур) — бесструктурна и беспричинна.

При этом Делёз и Гваттари не решаются вообще лишить свой мир-ризому причинно-следственной логики и осмысленности. Они заявляют, что как в синергетике (нелинейной динамике, о которой мы говорили в статьях об управляемом хаосе) могут быть зоны, где события связаны между собой классической

причинностью, так же бывает и в «ризоморфном» мире. Случайность трансформаций ризомы иногда образует на её поверхности подобия структур — «плато», «складки» и так далее. И именно на этих плато и в этих складках на поверхности мира-ризомы иногда возникают «очажки осмысленности».

Что чувствует после таких разъяснений человек, который отправился в странствие за целостностью и смыслом? Он чувствует, что его грубо обманули. Ведь и целостности нет, и смыслы, как разъясняют Делёз и Гваттари, возникают на поверхности ризомы лишь на краткие мгновения. И тут же исчезают в ходе дальнейшего неостановимого бега по ризомным «линиям ускользания».

То есть, это не смыслы, на которые можно опереться. И даже не острова осмысленности, на которых, в конце концов, можно жить. Это

то ли временные клубки чего-то смыслоподобного... То ли какие-то кочки на болоте... Но это и не просто кочки — на кочку, в конце концов, тоже можно хотя бы временно опереться. Это — очаги иной зыбкости внутри зыбкости обычной, равномерно распределённой.

Ну, встретился ты с очагом иной зыбкости и поначалу обрадовался: вроде удалось найти что-то, кроме обычной зыбкости, ненависть к которой побудила тебя странствовать. Но иная зыбкость — это не прочность, это всё та же зыбкость. И опереться на неё невозможно.

Ты это вскоре обнаруживаешь, начинаешь двигаться дальше. Но, встречаясь вновь с чем-то, отличающимся от обычной зыбкости, ты теперь спрашиваешь себя: «А не является ли это, отличное от обычной зыбкости, нечто, — всего лишь другой, более коварной зыбко-

стью»?

Однако если встреченное изначально находится у тебя под подозрением, то оно, впитывая в себя подозрение, само превращается в зыбкость. А обнаружив, что оно является таковой, ты окончательно разочаровываешься. И либо погружаешься в зыбкость. Либо, странствуя в поисках незыбкого, насыщаешь своим сомнением и подозрением всё встреченное, — и тем самым делаешь его зыбким.

Это — не высокая теория. Это описание того, как враг воюет с нами, на что он делает ставку. И почему он считает, что мы не сможем выйти из навязанной нам «Зоны Ч».

Выйти из неё могут и должны странники. Именно их задача состоит в том, чтобы выйти самим и вывести других. Поэтому врагу надо особо жёстко разобраться со странником.

Как разобраться? Враг должен не про-

сто поселить подозрение в душу странника. Враг должен создать и передать страннику такой вирус подозрения, который будет перемещаться при встрече странника с чем-то незыбким — в это самое незыбкое. И наращивать его зыбкость, а значит и подозрительность. И гарантировать изначальную провальность попыток странника на что-то незыбкое опереться.

В итоге, как считает враг, странник должен капитулировать. А вместе с ним должна капитулировать и Россия, погружённая в постмодернистскую зыбкость, то есть в то, что мы называем «Зоной Ч».

Капитуляция странника — вот что является нынешней задачей врага. Враг до сих пор не смог извести странника на корню. Он этим изумлён. Но он верит, что странник — чуть раньше или чуть позже — капитулирует.

Взяв на себя задачу обсуждения постмодернизма, я знал, на что себя обрекаю. Постмодернизм очень текуч, изошрённо недоопределён и нарочито сложен.

Описывать его на его языке — невозможно, потому что тогда ты сам погружаешься в его неотменяемую зыбкость. Описывать его на классическом языке — тоже невозможно, потому что постмодернизм базируется на фундаментальном отрицании классического языка. И ты, пытаясь использовать классический язык, оказываешься просто смешон.

Кроме того, твои описания должны быть понятны людям, весьма далёким от нарочито запутанной постмодернистской зауми и не понимающим до конца, что они погружены именно в постмодернистскую зыбкость, что с ними ведётся сложная и хитрая игра — по навязанным законам «ускользания» в мире-

ризоме.

Как же пробиться к сознанию таких людей? Мне кажется, есть одна-единственная возможность. Она заключается в том, чтобы представить их нынешнюю реальную, жизненную ситуацию как ситуацию странствия. Причём ситуацию, насыщенную постмодернистским коварным искусительством.

Желая всё это упростить, не упрощая, я предлагаю нашим «сутевцам» ощутить свою собственную ситуацию как ситуацию, которую враг хочет превратить в номадологическое — то есть лишённое целей, смыслов и опор — странничество.

К этому есть все основания. Наблюдая «сутевцев» на протяжении двух лет, я могу предложить им рефлексивную модель. Именно такие модели и являются, на мой взгляд, главным средством преодоления номадологи-

ческих искусств.

Вначале будущие «сутевцы», жившие в обычной зыбкости, слышали призыв Кургиняна. И стали, выбираясь из этой зыбкости, куда-то идти. Поначалу, возможно, просто читая книги. Или проводя простейшие акции и другие мероприятия.

Шаг за шагом они убеждались в том, что рядом с ними тоже кто-то идёт. И что эти траектории микространствий сплетаются, причём достаточно причудливым образом, образуя некий жгут. Ощущение себя внутри этого жгута — вот что знаменует переход во вторую фазу.

На третьей фазе жгут превращается в туннель, по которому идут странники. Туннель выводит из зыбкого во что-то другое.

Но в душах странников всё ещё размещена своя зыбкость. Она же подозрительность

и так далее. Соприкасаясь с чем-то другим, странник говорит: «Я хочу верить, что ты не зыбкое. Но я проверю. Имею же я право и здесь подозревать зыбкость!» И впрямь, ведь он имеет на это право. Но как только он начинает соединять незыбкое со своим подозрением в его зыбкости — незыбкое становится зыбким.

И неважно, как называется это подозрение — «кремлёвским проектом» или чем-то ещё. Главное, что странник считает, что мир состоит из его зыбкости и чего-то незыбкого в классическом смысле этого слова, куда он не может привнести свою зыбкость. Но такового уже просто нет. И потому новое, прочное незыбкое — может быть только создано, построено самим странником. Построено, а не дано ему в качестве несомненности.

В это — вызов неклассичности. В класси-

ческом мире ты можешь встретиться с чем-то, потыкать в него и, обнаружив незыбкость, успокоиться и сказать: «Наконец-то я нашёл незыбкое! Нашёл опору!»

А в неклассическом мире ты должен угадать незыбкое в том, что ты встретил. Соединить его с тем незыбким, что есть в тебе. И изгнать зыбкое из того, что ты встретил, и из себя. И на всё это обрётённое незыбкое опереться.

Враг не верит, что мы сможем это сделать. Но мы должны это сделать. И именно для того, чтобы это сделать, мы вновь и вновь присматриваемся к постмодернистской теории жизни в зыбком, сотворения зыбкого, создания модификаций зыбкости и так далее.

Юрий Бялый

Война идей

В чём причина? — 2

Жёсткое оформление принципиальнейших расхождений между позициями большинства и меньшинства, их отливание в формы холодной гражданской войны — было начато именно нашим «прогрессивным меньшинством»

Маяковский говорил: *«Я себя под Лениным чищу»*. Что имелось в виду? Что есть великий человек Ленин, и что надо на

этого человека ориентироваться. В отличие от Маяковского — гениального, между прочим, поэта — пошлый и мелкий Быков не хочет ориентироваться на великих, потому что тогда его мелкотравчатость будет ясна для всех, включая его самого. Поэтому он хочет навязать великим писателям свою пошлость и мелкотравчатость. Навязать это Толстому, Достоевскому и другим можно только с помощью грубейших подлогов. А дух Рублёвки — это и есть дух подлогов, подмен, махинаций. Именно этот дух водит и рукой, и языком Быкова. И дело не только в том, что он не стыдится, занявшись политикой, выступать с конференсом перед «рублёвскими» в их святая святых — ресторане. Дело именно в духе. Только обнаружив этот дух, можно понять феномен Быкова. А чтобы обнаружить этот дух, нужно ощутить дух-антагонист, дух ве-

ликой русской литературы. Тот дух, которому бросает вызов рублевский антидух, вселившийся в Быкова.

Почему Быков осуществляет свои махинации с вызывающей грубостью? Видимо, расчёт на то, что всем, внимательно читавшим авторов, которых он «исследует» в своих публичных лекциях, недосуг его слушать. А не читавшим — нет времени читать в том мире, который был построен два десятка лет назад под весёлое похохатывание и самого г-на Быкова, и большинства отечественных интеллигентов, настроенных на радостную волну перемен. Эти «не читавшие» попросту не могли уже читать в необходимом объёме того же Толстого. Они должны были тратить всё время, некогда называвшееся досугом, на обеспечение выживания своих семей. Или были детьми, которых уже учили по сокращённой

программе и соровоским учебникам. Чем теперь г-н литератор и пользуется, втюхивая современникам «ценные мысли» про тягу великих к здоровому ограничению в себе русской безграничности и про комфорт как обязательный итог, цель и высший замысел. Видимо, всего сущего.

Так ли или иначе, но словцо это наихарактернейшее попадает у него как-то уж совсем не к месту в разговор о русской литературе. Потому что нет в ней места комфорту. Ни у кого нет. Но ведь не ослышались же! Оказывается — как-то по умолчанию у Быкова оказывается — что все поиски справедливого мироустройства, все метания и мучения, все трагические повороты русской всечеловеческой мысли должны пройти один тест: на специфическую результативность. И получить штампик — «комфорт». Но, добавим мы

от себя, не получают... Хотя ты будь трижды гений!

Однако как не порадеть родному человечку! Родной литературе, то есть. И Быков радует. Так возникают трюизмы вокруг «очевидного всем» «тамошнего» рая и будто бы стремления великих к оному раю, но... что называется, «грехи не пускают». Известные коллективные грехи России. Которые — в чём? Опять же, известно. Со времён, когда за вопрос взялся философ А. Ракитов, уж точно. Главный грех — в том самом «культурном ядре». В том, которое отзывается недоумением, когда слышит: *«...строй, который не верил в человека, пришёл к удивительному комфорту»*, и порождает неудобные вопросы, типа «для КОГО комфорту?» Ведь надо же признаться, хотя бы после того, как все уже сами наездили и насмотрелись, что

западная жизнь весьма разная. Но тех, кто рассуждает о её комфорте, интересуется только тот отсек, в котором живут обладатели оно-го.

Итак, о ядре, которое так хочется изничтожить во имя комфорта. Что там, в ядре? На уровне языка, наиболее глубинном ментальном уровне, там укоренено определённое представление о «воле». Мы уже затронули пример, из которого явствует наличие этой укоренённости. Рассмотрим его же чуть подробнее, вчитавшись ещё более внимательно в «Живой труп» Л. Толстого — там ведь дело к одной фразе про «степь» не сводится.

В чём коллизия пьесы? Вокруг чего развивается внутренний конфликт? Не сюжет, а внутренняя пружина авторской мысли? Хотя и сюжет тоже. Он в том, что в семье возник «любовный треугольник», и главный ге-

рой хочет из него выскочить, избавить от себя жену и друга — очень приличных, «правильных», хороших людей. Что оказывается не так-то просто в условиях действующей бюрократической машины. И даже совсем непросто. И даже ужасно. Но не в этом ведь главное. А в том, что тут-то и возникает противоречие двух идей: либеральной «свободы» и той «воли», которой взыскует почти погибшая (по канонам буржуазной морали), но очень живая человеческая душа. Федя Протасов не укладывается в предписанные рамки. Как не укладывается в эти западные либеральные рамки Россия. Размерчик не тот.

Это всё не новость и было разобрано умнейшими людьми предыдущей эпохи. Читаем у М. Лотмана. *«В пьесе наслаиваются друг на друга два конфликта. Либеральное понимание свободы воплощено в сюжете-*

ной линии, которая связана с судом. Лиза и Каренин становятся жертвами грязной машины, власти чиновников над человеком. Если бы конфликт ограничивался этим, то дело сводилось бы к столкновению беззакония и свободы. В таком варианте пьеса укладывалась бы в общее направление либеральной критики дореформенного суда или его пережитков в послереформенное время. Но сюжет Толстого вводит более сложный конфликт. Неслучайна оговорка Феди: «То есть они опять меня свяжут с ней, то есть её со мной?» Вопрос не только в том, чтобы обеспечить право Лизы на развод (в этих рамках сюжет укладывался бы в либеральную проблематику). Либеральному понятию свободы Толстой противопоставляет анархический максимализм.

Оговорка Феди Протасова выдаёт другую мысль: свобода — выше морали и любых её условностей; закон и мораль — порождение цивилизации, а свобода — присуща человеку. Виктор и Лиза вступили в конфликт с уродливыми социальными законами, а Федя выступает в принципе против социальных законов, противопоставляя им свободу чувств, таланта и безграничность права человека на выбор своего пути. Примитивно перефразировав эту ситуацию, можно говорить о столкновении либерального свободолюбия и безграничной «архаической» воли, опирающейся на природу человека».



Юрий Михайлович Лотман (1922–1993) — выдающийся советский литературовед, семиотик, культуролог. Фото с сайта ut.ee

То есть на взгляд Толстого нравственность человеку присуща от природы, и незачем накладывать на первичную «волю» ограничительные рамки западных институтов,

превращая её в суррогатную «свободу». Путь к заложенной в человеке правде и нравственности — не через страх наказания. Русский путь совершенно иной. И конечно, связан с восприятием мира — природы и человека — как Божьего творения. Когда герой «Идиота» говорит о возможности спасения через красоту, он ведь тоже о целостности, о красоте, просветлённой Духом, говорит. Или в «Дневнике писателя»: *«Величайшая красота человека, величайшая чистота его... обращаются ни во что, проходят без пользы человечеству... единственно потому, что всем этим дарам не хватило гения, чтобы управлять этим богатством».*

И надо суметь вернуться к себе «подлинным», к Замыслу, а не ограничивать законом его искажение. Примерно это есть русская мысль. Но она ведь категорически не равна

западной. Как и либеральная «свобода», прорывающаяся маленьким бунтом против буржуазных устоев, никак не равна пресловутому «бессмысленному и беспощадному» русскому бунту. Которого не зря боялись и боятся. Право, есть чего!

Кстати, о двух разных подходах к обузданию зла. Они ведь во всех мелочах проявляются. Вот в предыдущем номере газеты «Суть времени» была статья наших новосибирских товарищей с интереснейшим сравнением плакатов о детстве — советских и современных, от ювенальщиков. Там, в частности, два плаката, призывающие взрослых не бить детей. С этим скверным пережитком в СССР сразу стали бороться. И видно, как: «Чем ребят бранить и бить, лучше книжку им купить» советует «тёмной крестьянке» плакат. А рядом — нынешний ювенальный, калька с

западного, с угрозой: «Не выходи за рамки!». То есть в одном случае предлагается выйти за рамки — наверх! А в другом — держат человека в этих рамках страхом кары. Мы не раз обсуждали разницу между западным подходом, основанном на обуздании неисправимого зла мира, и православным подходом, основанном на преображении мира. Указав ещё раз на принципиальную важность этого разногласия, дадим опять слово Лотману, который убедительно показывает, в какой степени Толстой отторгает либеральный подход.

«В «Живом трупе» герои делятся на тех, чьи поступки «правильны» с точки зрения какой-либо общественной роли, и на погибших, непредсказуемых — пьяниц, художников, людей вне общества. Чиновники, люди суда, с одной стороны, и Виктор и Лиза, — с другой, при всей проти-

воположности характеров и нравственной их оценки, имеют одну общность: их поступки правильны с какой-либо заранее заданной точки зрения, то есть предсказуемы, и поэтому, с позиции Федя Протасова, непереносимо скучны. В них нет неожиданности; нравственные или безнравственные, они в равной мере лишены поэзии. Это и делает подобную жизнь для Федя Протасова тюрьмой. Как блоковский Арлекин, Федя жаждет прорыва в мир свободы (анархист понятнее Толстому, чем либерал). Федя, как из тюрьмы, убегает из семьи, в которой царила добродетель, но «не было изюминки, — знаешь, в квасе изюминка, — говорит Федя Протасов, — <...> не было игры в нашей жизни. А мне нужно было забываться. А без игры не забудешься». «Изю-

минка» — образ непредсказуемого, случайного, того, что не является обязательным элементом структуры, без чего система остаётся собой, описывается одинаковыми моделями, но без чего жить в ней делается невозможно».

«Что немцу здорово, то русскому смерть», — гласит известная поговорка. Переделать русского в немца и есть задача по слову ядра. А иначе — слишком непредсказуемо, слишком опасно, слишком безнадёжно в плане окорачивания этой «самости». Её окорачивают, давят, она вроде уже ложится, уже нет её и — р-раз! Тут как тут! Одно слово — Ванька-встанька. Так что хватит нам удивляться, почему ведут войну с этим «русским духом». А вам, будь вы на месте западников, охота было бы всё время под угрозой такого вставания в полный рост жить?

И тут стоит перейти от напоминания, что есть великая литература, очень глубоко рассматривающая проблему этого «полного роста», — к концептуальным вопросам, явным образом подчинённым определённой политической линии.

В 2008 г. «Новой газетой» была опубликована огромная статья Юрия Афанасьева под знаковым названием «Мы не рабы? (Исторический бег на месте: особый путь России)». И совершенно не газетный объём публикации, и вынесенная в название тема сделали текст фактически программным для всей группы наших специфических западников. Которая особенно и не скрывала своей задачи как пятой колонны, но опубликованием данного манифеста явно «пошла на Вы». И с тех пор мы много слышали «приятного» о большинстве, особенно за последний год.

Но это уже был год окончательной разнузданности. Толчок же нынешней разнузданности — всем этим высказываниям про «быдло», «рогатый скот», «мух» и «анчоусов» — дала именно афанасьевская статья 2008 года, сопровождавшаяся к тому же ещё откликом Б. Стругацкого. Это публичное «перестукивание», как его назвал Стругацкий, двух корифеев дало легитимацию на окончательное раскалывание общества. И, подчеркнём, жёсткое оформление принципиальнейших расхождений между позициями большинства и меньшинства (а они были всегда!), их отливание в формы холодной гражданской войны — было начато именно нашим «прогрессивным меньшинством».

«Давно (с незабвенных времён «самиздата») не получал я такого удовольствия от публицистики, как при чтении Вашей

статьи, — начинает свой ответ Борис Стругацкий. — Я знаю, конечно, что ничего не изменит она и не заполнит ни в какой мере всепобеждающую Пустоту, но она высечет, я уверен, десятки и сотни искр из родственных душ, которые есть, которые всегда были и которые будут всегда».

И сразу в ЖЖ родственные души стали активно перепечатывать чьи-то слова о том, что «срок годности России истёк». Такой вот приговорчик. Но что же Афанасьев, что там насчёт «рабов» под вопросом? Да, вы правильно догадались, никакого вопроса тут нет. Главная печаль Юрия Афанасьева о том, что Россия так и не может соскочить с протоптанной колеи, поскольку «аморальное население» и не желает этого, а наоборот, откликается всякий раз лишь на имперский призыв. Эта колея слишком уж глубока, и каждый

раз на историческом распутье русский витязь не делает верного выбора.

Заметим, с образом перестройки как перепутья и будто бы уникальной возможности в «особых точках истории» перескочить на какой-то совершенно иной, правильный путь, мы уже сталкивались прежде. Это старая перестроечная мысль М. Гефтера (его статья «Перестройка или перепутье?»), и это недавнее, 2012 г., высказывания Б. Стругацкого — мы касались их в статье «Перестройка-2 на марше». То есть тема не нова, не оригинальна, заявлена была Гефтером в 1988 г., в 2008 получила расширенное толкование у Афанасьева и теперь входит в либеральный катехизис.

Но поскольку Ю. Афанасьев, изрядно обогатив данную метафору развёрнутыми обсуждениями, всё же так и не дал чётко-

го ответа, как именно возможна желанная для «родственных душ» телепортация целой страны с двухтысячелетней историей на иные пути, — нам придётся самим разбираться в этой отнюдь не пустопорожней мечтательности «дельфинов». К чему и переходим в следующих публикациях.

Мария Мамиконян

Диффузные сепаратистские войны

Казачество. Искушение НЕЗАВИСИМОСТЬЮ

Почему во имя возрождения казачества некоторые атаманы используют то, что разрушает казачество и страну, а не то, что должно нас примирить и объединить как нацию

Процессы, протекающие в последние месяцы в казачьем сообществе, заставляют нас вновь вернуться к теме возрождения казачества. Поскольку споры между казаками о том, являются они народом или сословием, явно вредят благородному делу возрождения казачьих культурных и державных традиций.

Я в предыдущей статье уже писал о прошедшем 26 января 2013 года в Ростове-на-Дону митинге донских казаков при участии представителей Уральского, Терского и Кубанского казачьих войск, а также Московского казачьего круга. Писал я и о тех требованиях, которые участники митинга выдвинули в адрес руководства Ростовской области и федеральных властей:

- признать казачество народом;
- не препятствовать регистрации региональных Национально-культурных автоно-

Казачество. Искус. независимостью 279
мий (НКА);

— разрешить указывать «казак» в качестве национальности в документе, удостоверяющим личность.

Подписи под этими требованиями (причём, в основном, только в интернете) поставили около 3 000 человек.

Некоторые эксперты подчёркивают, что в одно только Войско Донское входит почти 150 тысяч казаков и членов их семей. Эти эксперты считают, что заявленные на митинге требования для большинства казачества просто неактуальны. Однако с такой оценкой соглашались далеко не все специалисты. Многие указывают и на авторитет атаманов, которые уже много лет выступают с подобными требованиями, и на достаточно широкое представительство казаков на ростовском митинге, и на реакцию местной власти в отношении тре-

Казачество. Искус. независимостью 280
бований митингующих.

Так, 7 февраля 2013 года департамент Ростовской области по делам казачества и кадетских учебных заведений решил создать рабочую группу для проработки вопроса о «возможности внесения в свидетельство о рождении ребёнка национальности родителей — «казак» и «казачка». Но при этом замгубернатора области (и по совместительству лидер «Казачьей партии РФ») С. Бондарев заявил в ноябре 2012 года, что *«казак — это сословие»* и что его соратники не выступают за признание казаков *«самостоятельным народом»*.

Видимо, местная власть будет пытаться найти по этой проблеме какой-то компромисс между разными группами казачества. Однако многие эксперты считают, что какие-либо частичные уступки вряд ли удовлетворят ата-

манов, возглавляющих протестную акцию.

Так организатор митинга, атаман Зимовниковского юрта ВКО ВВД П. Сериков заявил: *«Казачий народ очень упрямый и вредный. Это характерная черта нашего народа. И когда власть игнорирует нас, народ начинает заводиться. Но я думаю, наше государство разумное, поэтому будет адекватным и отреагирует на наши требования».*

Значит, для лидеров протеста все эти вопросы носят принципиальный характер, и полумер они не примут? Почему?

Профессор Южного федерального университета А. Лубский уверен, что *«митинги организуют «идеологи» казачества, у которых есть вполне реальные политические цели — передать казачеству часть государственных и муниципальных функ-*

Казачество. Искуш. независимостью 282
ций. Поначалу речь даже шла о том, чтобы уравнивать казачество как народ с другими народами России, имеющими свои органы государственной власти (например, проекты создания Донской республики)».

Значит, у «идеологов» казачества есть другая программа, выходящая за рамки публично выдвинутых в январе 2013 года требований? Некоторые специалисты убеждены, что речь идёт именно об этом. И что такие «идеологи» действительно имеют целью создание «независимого казачьего государства», но на публичных мероприятиях и в официальных документах стараются избегать радикальных лозунгов. А потому — пока — публично заявляют те требования, которые вписываются в принятый в начале 90-х годов Закон «О реабилитации репресси-

рованных народов». Но считают выполнение этих требований, предполагающих «политическую и территориальную реабилитацию казаков», лишь первым шагом на пути к обособлению и отделению от Москвы.

Но иногда подобные «идеологи» публично проговариваются о своих реальных целях. Такие проговорки есть, например, в материалах организации «Донская казачья республика» (ДКР), которую мы уже упоминали ранее. Её лидер атаман А. Юдин — один из инициаторов «казачьего возрождения на Дону и в России» — как раз из таких «идеологов».

Процитируем некоторые положения из двух проектов Конституции этой самой «Донской казачьей республики»: *«Суверенитет Донской казачьей республики выражается в обладании всей полнотой государственной власти... вне пределов ведения*

Казачество. Искус. независимостью 284
Российской Федерации и полномочий РФ
по предметам совместного ведения... В
пределах своих полномочий ДКР самосто-
ятельно участвует в международных и
внешнеэкономических связях...

Все граждане по праву рождения полу-
чают на свои личные счета часть дохо-
да от использования природных ресурсов
ДКР... Земля и все полезные ископаемые
недр в пределах территории ДКР принад-
лежат на праве собственности ДКР...
Государственными языками в ДКР явля-
ются казачий и русский языки... »

А далее — главное:

«В случае противоречия между фе-
деральным законом и нормативным пра-
вовым актом Казачьей республики Все-
великого Войска Донского, изданным по
предметам ведения Казачьей республики

*Казачество. Искус. независимостью 285
Всевеликого Войска Донского, действует
нормативный правовой акт казачьей Рес-
публики».*

Здесь фактически устанавливается при-
оритет регионального законодательства над
федеральным. Но и это не всё. В ма-
териалах газеты «Донское время» (печат-
ный орган «ДКР») появляется другое назва-
ние будущего казачьего государства: «... Ту-
ростовщически-воровскую жизнь, кото-
рую Казаки навязывают богоизбранные,
никак невозможно связать с традици-
онным (десятитысячелетним) казачьим
жизнеустройством. Или то, или это.
Химеры, то есть слияния разнородного,
быть не может...» Название «Казакия»
здесь явно не случайность. И адресуется не
только к полной независимости от России,
но и вполне определённым зарубежным «кон-

структорам» казачьего протеста.

Но об этом — ниже. Здесь же подчеркнём, что лидер «ДКР», председатель Совета атаманов Юга России А. Юдин — фигура совсем не маргинальная — не только фактически занимается пропагандой независимой Казачьей республики, но и плотно сотрудничает с зарубежными организациями «казачьих националистов», активно пропагандирующих независимую «Казакию».

Понимает ли та часть казачьего сообщества, которая следует за подобными идеологиями, в какую разрушительную для России игру их втягивают? Участниками какого антироссийского проекта, зародившегося почти 90 лет назад в среде белой эмиграции, они могут стать? На этом вопросе стоит остановиться, ибо он раскрывает генезис некоторых «казачьих» идеологических и политических

В среде казаков, оказавшихся после Гражданской войны в эмиграции, сформировалось три основных политических течения. Первое выступало за то, что «казацьи земли» должны оставаться в составе России, освобождённой от большевиков, и если и допускалась временная «независимость казачьих земель», то только до «полной победы над красными». Второе течение декларировало «суверенитет казачьих территорий» независимо от дальнейшей судьбы России. А ещё были украинские казачьи националисты, защищавшие идею «самостийности Украины».

Во второй половине 1920-х годов казаки-эмигранты создали организацию «Вольное казачество» («Вольно-казачье движение»), ставившую целью создание на территории России независимого государства «Казакия».

Была разработана и Конституция «суверенного федеративного государства Казакия» — со своими органами власти, вооружёнными силами, налоговой системой, денежным обращением, таможенными границами и т. д.

В этой Конституции, напечатанной в январе 1932 года в журнале «Вольное казачество», определялись и границы будущего государства: *«Объединённая Казакия состоит из следующих политически-автономных областей, именуемых «Членами Союза»: Дон, Кубань, Терек, Яик (Урал), Астрахань, Оренбург и Калмыцкая область...»*

Гражданам Казакии возбраняется состоять одновременно в подданстве какого-либо иного государства, принимать от него титулы и знаки отличия, и публичные должности... Казакия

Казачество. Искуш. независимостью 289
есть вполне суверенное государство. Она совершенно свободно входит со всеми иностранными государствами в те международные сношения, которые по её усмотрению в наибольшем размере желательны и полезны для безопасности страны и для развития всех культурных условий в жизни Казакии».

Обратим внимание на то, что всё не ограничилось простыми декларациями. В начале 1930-х годов к лидеру «Вольного казачества» генералу И. Быкадорову проявили интерес сразу несколько зарубежных разведок, рассматривавших сепаратизм в качестве инструмента развала России. Среди них были поляки, чехи, французы и англичане. Сами лидеры «Вольного казачества» (И. Быкадоров, И. Билый, М. Фролов и др.) жили в Праге и получали финансирование от польской



Лидер «Вольного казачества»,
генерал-майор Быкадоров Исаак Фёдорович.
Фото — Музей лейб-гвардии казачьего Его
Величества полка в Курбевуа (пригород
Парижа), сайт beloedelo.livejournal.com

Практически все поступающие И. Быкадорову предложения о помощи по созданию Казакии предполагали плату или частью российской территории, или правами на добычу полезных ископаемых и эксплуатацию транспортной инфраструктуры. Например, представитель английской разведки сразу заявил на встрече, что *«под протекторат Его Величества поступают всё Закавказье, Дагестан, Абхазия и все советские горские республики»*, а внешняя политика Казакии согласуется с правительством Англии...

Надо отдать должное И. Быкадорову. Казачий генерал не принял ни одного подобного предложения своих зарубежных визитёров (да и делить особо было ещё нечего). А позже публично заявил, что *«видит будущее донских казаков в едином сильном Российском государстве»*.

В 30-е годы интерес к казачьему сепаратизму проявляли и немцы. К началу войны в Европе уже существовало несколько организаций и печатных изданий, отстаивающих идею создания независимого государства Казакия. Этих самостийников, как и казаков, выступавших за «Единую и Неделимую Россию», фашисты использовали для построения казачьих формирований, выполнявших в основном карательные функции.

Более того, для обоснования своего сотрудничества с казачеством фашисты (при помощи самих же самостийников) разработали «научную теорию» о «казаках-арийцах» (которая, отмечу, иногда появляется на казачьих сайтах). По этой «теории» *«казаки являлись потомками остготов, владевших Причерноморским краем во II–IV вв. н.э. Следовательно, это не славяне, а народ*

германского корня, сохраняющий прочные кровные связи со своей германской прародиной».

В первой половине 40-х гг. среди казаков-самостийников была довольно широко распространена идея о том, что «казачество — это особый народ, . . . находившийся под рабством России в течение 180 лет до революции, и задачей которого является обретение в ходе войны национальной и государственной независимости».

Среди сторонников идеи «казачьей самостийности» следует упомянуть генерала П. Краснова, возглавлявшего Главное Управление казачьих войск в Берлине и консультировавшего немцев по вопросам казачества.

А после войны тезис о якобы существовавшем независимом государстве «Кзакия» вошёл, с подачи украинских эмигрантов-

Казачество. Искус. независимостью 294

националистов (прежде всего, бандеровских, но и не только) в «Резолюцию о порабощённых нациях», принятую Сенатом и Конгрессом США в июле 1959 года. Резолюция гласит: «...Империалистическая политика коммунистической России привела, путём прямой и косвенной агрессии, к порабощению и лишению национальной независимости Польши, Венгрии, Литвы, Украины... Идель-Урала... Казакии и других... Нам следует надлежащим официальным образом ясно показать таким народам тот исторический факт, что народ Соединённых Штатов разделяет их чаяния вновь обрести свободу и независимость».

Знаменательно, что часть казаков-эмигрантов не приняла фальсификации на тему Казакии. Так, донской казак, профессор

Г. П. Чеботарёв (1899–1986), живший в США, посвятил разоблачению украинских националистов, «дезинформировавших Конгресс США», статьи и часть своих воспоминаний. Чеботарёв, входивший в близкое окружение генерала П. Краснова, как реальный очевидец событий тех лет свидетельствовал, что *«провозглашение Всевеликого Войска Донского (ВВД) независимым государством в сентябре 1918 года было сделано под давлением командования германских войск, оккупировавших Украину и стремившихся к дальнейшему расчленению всей России»*. И что во время Гражданской войны на территории России *«не существовало национально-независимого государства, называвшегося Казакией»*.

При этом Г. Чеботарёв в своих воспоминаниях приводит цитату из послания Донского

Войскового Круга крестьянам Воронежской губернии в сентябре 1918-го: *«Мы хорошо помним, что мы плоть от плоти Русского народа. Мы ни на минуту не забываем, что судьба донских казаков тесно связана с судьбой русского народа и Российского государства».*

Так что возникает большой и болезненный вопрос. Если возрождение казачества в России происходит в основном с опорой на традиции белого казачьего движения, то почему даже из этого достаточно противоречивого наследия некоторые атаманы отбирают то, что разрушает казачество и страну, а не то, что должно нас примирить и объединить как нацию, а наше государство сделать сильным и независимым?

Эдуард Крюков

Культурная война

Перверсивный идеал и деконструкция нормы. Война с идеальным в культуре и СМИ

Известный публицист Владимир Семенко рассматривает ведущуюся с обществом культурную вой-

ну с точки зрения классического православного интеллектуала. Это очень важный ракурс, с которым мы считаем нужным познакомить читателя

Когда говорят о том, что порок, «либеральный гуманизм» и воинствующий анти-христианский секуляризм в последнее время весьма агрессивно атакуют нашу христианскую традицию и навязывают себя в качестве новой нормы, то само по себе это совершенно верно. Однако конкретный механизм этой вполне хладнокровной и целенаправленной ломки социокультурной и нравственной нормы и формирования принципиально новых стереотипов понимается часто недостаточно глубоко, поверхностно.

Классический атеизм эпохи модерна стре-

мится противопоставить якобы устаревшим церковным, клерикальным идеалам и ценностям свои альтернативные идеалы и ценности, что является, по крайней мере, честным. В отличие от этого сегодняшние постмодернистские игры с культурой основаны на, так сказать, системной работе с ярлыками, на определённой системе манипуляций и подмен, когда антиидеал представляет себя как «подлинную традицию». Это не одно вместо другого («богиня разума» вместо Христа, культ героев революции вместо культа святых, «Родина-мать» вместо бога и т. п.), а именно подмена, попытка обмана несведущего массового потребителя соответствующего «культурного» продукта, человека с предельно примитивным сознанием, основательно «выпотрошенным» при помощи информационных технологий. Работа постмодернист-

ских технологий может быть описана, в терминах Льва Гумилёва, как антисистема, которая не может существовать, не паразитируя на теле Традиции, большой системы. Но при этом, продлевая и углубляя это паразитирование, делая его всё более изощрённым, убивает, уничтожает саму систему, тем приближая и собственную гибель. Ибо антисистема как проявление принципиально небытийных начал не способна к творчеству, к подлинному созиданию нового, она может работать только как паразит, способствующий смерти того, на чём она паразитирует.

Примеры, которые мы собираемся привести для иллюстрации нашей мысли, на первый взгляд, относятся к сфере культуры. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что будучи, с одной стороны, очень важным проявлением культурной войны, они при

этом выходят далеко за пределы собственно культурной сферы, в традиционном смысле вообще не относясь к ней. Само их существование и эффективная «работа» по достижению целей, перед ними поставленных, невозможна вне сферы информационной, того «сопровождения», которое предоставляют им СМИ. Поэтому здесь приходится уже говорить о ещё одной, так сказать, пограничной разновидности войны — войне культурно-информационной, находящейся как бы на стыке этих двух сфер.

Первый пример — скандальное «творчество» небезызвестной Луизы Вероники Чиконе (сценический псевдоним «Мадонна»). Это вполне презираемый персонаж. Неангажированная западная пресса пишет о том, что Мадонна это — *«вычурная невичка с неестественным, металлическим*

голосом», выходящая в тираж «вульгарная танцовщица по прозвищу Микки-Маус», незадачливая самозваная английская аристократка, не раз уличённая в плагиате. Профессиональная музыкальная критика крайне невысокого мнения о её вокально-сценических заслугах. Однако эти трезвые мнения уверенно перебиваются мощной информационной «работой» телевидения и таблоидов, на протяжении двух с лишним десятков лет создающей Мадонне репутацию выдающейся артистки, певицы, многосторонней и глубокой «звезды шоу-бизнеса».

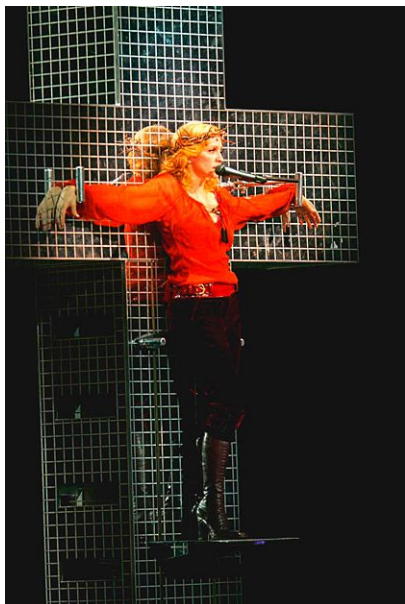
При этом крайне важно, что основу скандальных концертных номеров этой в самом точном смысле антимадонны составляет тщательно и хладнокровно продуманная система кощунств. Она не просто всеми силами пропагандирует крайне свободное и «раско-

ванное» сексуальное поведение, но постоянно, упорно и последовательно попирает именно христианский смысл, всё время как бы отталкиваясь от своего прошлого воспитания двух католических пансионеров (откуда она сбежала, чтобы начать бурную карьеру в качестве танцовщицы в стриптиз-баре). Тщательно обработанный электронной техникой голос под аккомпанемент соответствующих буйных ритмов и профессионально исполняемые непристойные телодвижения весьма часто сопровождаются и прямым надругательством над общеизвестными христианскими символами.

Однако этим суть «проекта Мадонна» вовсе не ограничивается. СМИ создают ей репутацию, далеко выходящую за рамки её скандальной концертной деятельности. Главное для Мадонны не просто слом системы хри-

стианских норм и запретов (который очевиден и лежит на поверхности), но позиционирование себя в определённом смысле как истинной Мадонны, апелляция к христианской по своему происхождению идеальности! Последовательное нарушение христианских запретов, поругание морали, попрание Креста, сексуальная распущенность, кощунственные тексты песен продуманно сочетаются в её деятельности и в создаваемом ей образе с нарочитой добродетелью, обликом любящей жены и матери и благотворительными акциями. Одно без другого неинтересно, не работает: кощунство в создаваемом Мадонне информационно-виртуальном «макияже» непременно должно соединяться с добродетелью, с «ангельским» обликом и благотворительностью. Тот, кто топчет крест, кощунствует и развратничает, вполне может слу-

жить людям деятельным добром, быть добродетельным с точки зрения именно христианских норм и заповедей — вот основная мысль закулисных авторов «проекта».



Стареющая блудница не просто распинается на кресте в терновом венце в ключевом и самом скандальном концертном номере; она говорит, что это символизирует её уподобление Иисусу, который тоже помогал бедным: *«Иисус одобрил бы мои действия, потому что я сораспинаюсь больным СПИДом детям Африки, которым жертвую \$3 млн, заработанные концертом»*. При этом абсолютно неважно, имеет ли место в действительности вся эта благотворительность и добродетельная семейная жизнь — последняя-то уж во всяком случае миф! В данном случае важно другое: «христианская» добродетель, служение людям позиционируется в СМИ не просто как связанная, а как основанная на попрании этой самой нормы! (Деньги для помощи больным детям зарабатываются на кощунственных «концер-

тах»; их платят люди, которым концерты, а стало быть, и кощунства, нравятся). Наконец, точно такая же типично постмодернистская двусмысленность, разрушающая традиционный христианский смысл, прослеживается и в принятии звездой нового, каббалистического имени «Эсфирь или Эстер» (дающая жизнь Божия Мать, которая изначально, согласно христианской традиции, всегда и именовалась Мадонной, и отнимающая жизни библейская Эсфирь, повинная в гибели 70 000 ни в чём не повинных персов).

Другой крайне важный для нас пример — нашумевший роман Дэна Брауна «Код да Винчи» и снятый по нему фильм. Собственно культурный уровень данного произведения весьма невысок. Достаточно упомянуть, что специалисты Ватикана насчитали в нём около 600 ошибок, выдающих вопиющее неве-

жество автора в истории мировой культуры и религии. Но реклама романа и фильма в СМИ была поистине беспрецедентной! Действующий там орден «Приорат Сиона» позиционирован в романе не как группировка атеистов, врагов Бога и Христа, но как общество истинных христиан, ведущих войну не на жизнь, а на смерть с этой проклятой Церковью, исказившей истинное учение Христа. «Тайна Грааля» в романе — это тайна потомства (!) Христа и Марии Магдалины, тщательно скрываемая «клерикалами». А инициацией для вступления в орден являются массовые оргии. При этом католическая церковь (Православия для автора не существует в принципе), с которой борются члены ордена, изображается как средоточие всевозможных пороков и преступлений.

Итак, тайна «истинного христианства», со-

гласно роману, заключена в нарушении одной из главных христианских заповедей («не прелюбодействуй») самим основателем религии, который всеми христианами почитается как богочеловек. Таким образом, по Д. Брауну, заповеди нарушает сам Бог, а «безнравственные церковники» скрывают это от народа. Роль же «анти-Мадонны» выполняет здесь Мария Магдалина: ведь именно она в «концепции» романа — «истинная ученица» Учителя, зачинающая и рождающая от Него естественным путём (антинепорочное зачатие).

На фоне двух разобранных выше примеров совершенно очевидно, что столь шумевшие минувшей весной и летом «Pussy Riot», представляемые рядом СМИ в качестве радикально нового явления, в действительности очень вторичны. Аналогия здесь доходит до буквального повтора. «Пусси» пред-

ставляют собой пародию на пародию, дальнейшую «попсовизацию» и примитивизацию самой технологии. Думается, что в этом случае вряд ли кто станет спорить с тем, что вне информационной поддержки их просто нет: кому интересно какое-то хулиганство в храме, если о нём не упоминают в прессе?!

«Политическая» составляющая акции ничтожна. Если же обратиться к тексту стихов, которые они так и не сумели пропеть (что не помешало информанщикам, сопровождавшим «проект», выложить их в сети как якобы реально исполненные), то в нём мы обнаружим весь разобранный выше «джентльменский набор»: глумление над святынями как «истинное христианство», феминистская идеология, воинствующий антиклерикализм, радикальный разврат как «преодоление пола», и всё это — как путь к «истинной вере»,

искажённой «проклятыми церковниками».

За полгода, минувшие с момента «акции», некоторые публицисты, причём и из крайне правых, якобы фундаменталистских кругов, потратили немало усилий, ожесточённо пропагандируя «пуссей» как носительниц «истинного христианства», разоблачающих «ложь и лицемерие церковников». Их представляли как обличительниц *«путинского режима и гундяевской инквизиции»*, *«показавших бесчестие русского человека»*, как *«прекрасных девушек» (!)*, люто *«ненавидимых великой родиной-Матерью этих воцерковлённых уголовников»*, *«Святой Русью, пьяной от крови и бледной от вранья»* и т. д. Особенно постарались в этом плане основатели и члены т. н. Общества христианского просвещения (!!) на сайте «Правая.ру» (приведённые цитаты взяты от-

туда) — Р. Багдасаров, И. и Я. Бразниковы, В. Голышев и др. Именно эти «просветители» составили основу конференции по проблемам церковной реформы (!), проведённой недавно под кураторством известного политтехнолога с «безупречной» репутацией — С. Белковско-го.

Закономерным финалом проекта «Russy Riot» стала выставка «новой иконописи» в галерее «Винзавод», проведённая под кураторством М. Гельмана, где хорошо узнаваемые профили в балаклавах удостоились уже и «иконописного» (то есть, с точки зрения функциональной, прямо культового!) изображения.

Всё вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. *Цель культурно-информационной войны, ведущейся против христианской Традиции, заключа-*

ется не просто в разрушении восходящей к Божественным заповедям системы норм и запретов, но — в мутации самой нормы. Промывание мозгов, деформация культурно-исторической памяти и всей системы ценностей осуществляются путём внедрения в сознание представлений о том, что сознательное поправление традиционной нормы и есть истинное следование традиции, якобы искажённой в ходе предшествующего исторического развития.

Мы предлагаем называть это формированием перверсивного идеала. Главным средством этой разновидности войны являются СМИ, информационные технологии, агрессивно вторгающиеся в сферу культуры. Это несёт в себе смертельную угрозу не только собственно религиозной традиции, но шире — всей классической культуре, включая и её

светский «извод», кардинально ломая всякую систему позитивных ценностей, всегда, так или иначе, прямо или опосредованно, восходящих к данным от Бога заповедям.

Владимир Семенко